

СЕСИЛ
РОТ

— ИУДЕИ —
В ВЕНЕЦИАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ

ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ
ИЗОЛЯЦИИ

Сесил Рот

**Иудеи в Венецианской республике.
Жизнь в условиях изоляции**

«Центрполиграф»

1975

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)4

Рот С.

Иудеи в Венецианской республике. Жизнь в условиях изоляции /
С. Рот — «Центрполиграф», 1975

ISBN 978-5-9524-5474-3

Сесил Рот — известный британский исследователь и крупнейший специалист по истории евреев, автор многих трудов по названной теме, представляет венецианскую жизнь еврейской общины XV—XVII вв. Основываясь на исторических исследованиях и документальных материалах, Рот создал яркую, интересную и драматичную картину повседневной жизни евреев в Венецианской республике на отведенной им территории, получившей название — гетто. Автор рассказывает о роли, которую играли евреи в жизни Венеции, описывает структуру общества, рисует портреты многих выдающихся людей, сыгравших важную роль в развитии науки и культуры. Удивительно, но в венецианском гетто возникла невероятно интересная и теплая общественная жизнь, которую автору удалось воссоздать в необычных подробностях. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5474-3

© Рот С., 1975

© Центрполиграф, 1975

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сесил Рот
Иудеи в Венецианской республике.
Жизнь в условиях изоляции

CECL ROTH

HISTORY of the

**JEWS
IN VENICE**

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление. ЗАО «Центрполиграф», 2021

Предисловие

Некоторые сообщества привлекли внимание не одного историка. Венецианской общине прежде не везло в этом отношении. Она служила фоном всего для нескольких, притом не слишком подробных, исследований; в то же время, например, личности Леоне да Модены посвящено большое количество материалов. Тем не менее отдельные периоды истории венецианской еврейской общины оставались белым пятном на исторической карте. Поэтому автору настоящего труда пришлось совмещать две совершенно разные задачи: собственно историческое исследование и приведение его результатов в читабельный вид. При написании книги использовались многочисленные источники, как печатные, так и рукописные. При этом большинство упомянутых в тексте фактов ранее не публиковалось, однако подкрепить сноской каждый из них не представляется возможным. Поэтому автор просит читателей поверить: для каждого факта, каким бы невероятным он ни казался, у автора имеется доказательство, источник которого представляется ему надежным.

Венецианская еврейская община не всегда играла важную роль в истории. Общая численность ее населения никогда не превышала пяти тысяч человек. Что касается временных рамок, общину можно назвать сравнительно новым явлением; ее расцвет ограничен менее чем двухсотлетним периодом. Тем не менее даже за такой короткий промежуток времени она привлекла ряд самых ярких личностей во всей еврейской истории. В венецианском гетто возникла необычайно теплая и интересная общественная жизнь, которую удалось воссоздать в необычных подробностях. Вот почему именно этим аспектам в настоящей книге уделено особое внимание. Жизнь в гетто периода упадка Венецианской республики оставалась такой же яркой и завораживающей, как и прочие стороны венецианской жизни; можно надеяться, что данный труд поможет вернуть ее из забвения, которому ее подвергали историки итальянского барокко.

Глава 1

Заселение Венеции евреями

Век за веком голубые волны Средиземного моря набегали на песчаные отмели между устьями рек Адидже и Пьяве, защищавшие побережье Италии от ярости океана. Места были безлюдными; тамошняя почва не подходила для земледелия. Лишь изредка вдоль длинной береговой линии ходили рыбацкие лодки или каботажные суда, спешившие на север или юг, в растущие процветающие порты. Ничто не указывало на то, что здесь, на скоплении крошечных островков, защищенных песчаными отмелями, возникнет сказочный город, который будут называть одним из семи чудес света и который однажды будет владеть половиной Леванта.

Тем временем далеко на Востоке воды того же Средиземного моря разбивались о дюны, защищавшие узкую полосу плодородной земли, которую теперь называют Палестиной; она отграничивала Аравийскую пустыню от моря. Та земля не была необитаемой. Наследница античных цивилизаций, она была известна египтянам и вавилонянам, не раз пересекавшим ее в разных направлениях. А на уступах холмов, где благодаря огромным усилиям земля стала плодородной, жил уникальный народ, который поразительным образом, к презрительному изумлению соседей, открыл для себя идею Бога.

Шли века. Египтян и вавилонян сменили персы и греки. Народ, живший на холмах Палестины, неоднократно завоевывали, однако он не поддавался ни лести, ни силе. Загадочная цивилизация этрусков в Италии постепенно уступила другой, более энергичной культуре. Слепо веря в свое имперское предназначение, римляне завоевывали одну землю за другой и натывались на разные народы. Так, в конечном счете, им удалось стать правителями странного сирийского племени, которое, вопреки всякой логике, упорно отказывалось признавать чужеземных богов, даже когда те демонстрировали мощь, одаряя своих последователей победой. Упрямство евреев дорого им обошлось. Их неоднократно завоевывали и побеждали в череде грозных войн и мятежей. Евреев как рабов привозили во все страны мира, где поражались их безрассудству: они упорно придерживались своих провинциальных взглядов вопреки общечеловеческому стремлению к усвоению чужого опыта и прогрессу. В Италии – сердце Римской империи – их знали особенно хорошо. Их сепаратистские причуды не раз высмеивали честолюбивые поэты. Тем временем волны все так же наносили песок на отмели в северо-восточном углу полуострова – по-прежнему безлюдном, по-прежнему ненаселенном. Правда, неподалеку, на морском побережье и в глубине материка, росли города – Аквилея севернее, Равенна южнее, Падуя на материке и многие другие.

Во всех этих местах, как и в прочих значимых городах Римской империи, о евреях кое-что знали. Скорее всего, вначале они попадали туда как рабы. Но из-за гордого и независимого нрава в сочетании с упрямой приверженностью традиционным верованиям их считали плохими слугами; а благодаря расовой солидарности и традициям взаимопомощи они без труда обретали свободу. За первопроходцами следовали другие изгнанники, торговцы и ремесленники. О том, что в ранний период евреи появлялись в Италии – в Брешии, в Конкордии, в Пуле и других местах, – свидетельствуют надписи на латыни; можно предположить, что они жили и в других крупнейших городах региона. По свидетельствам очевидцев, в Аквилее, городе-прародителе Венеции, во времена Римской империи существовала синагога. В Равенне, которая одно время была столицей Западной Римской империи, сохранилось больше сведений о начале существования еврейской общины. Тамашняя синагога была основана уже при варварском правителе Одоакре, которого после убийства (493) похоронили неподалеку от нее. В 519 году толпа христиан-фанатиков устроила еврейский погром. Все культовые сооружения евреев были сожжены. В поисках справедливости община, которая к тому времени, судя по

всему, полностью сложилась, обратилась к королю остготов Теодориху. Тот немедленно приказал жителям города восстановить разрушенные здания за собственный счет, пригрозив выпороть непокорных плетьюми.

К тому времени скопление островков на севере уже не было необитаемым. В V веке орды варваров, возглавляемых Атиллой, внушали ужас обитателям материковой Венеции – так провинцию называли уже тогда, в честь племени венетов, жившего там с незапамятных времен. Многие из них, спасаясь от разграбления городов, искали убежища на островах, защищенных песчаными отмелями. Туда за ними не мог последовать враг. Там они строили дома, попасть в которые можно было только с моря. Постепенно у них развивался собственный уклад жизни, тесно связанный с морем. В последующие годы новые вторжения варваров вызывали приток на острова других беженцев с материка. Постепенно островитяне-латиняне все больше сплачивались, объединяясь против смешанных полчищ варваров, которые вытесняли их с земель предков. В отсутствие всякой верховной власти они постепенно выработали собственную демократическую структуру под руководством десяти трибунов. В конечном счете во главе этих трибунов встал избираемый глава, которого называли Дух, или *дож*. Первым дожом стал Паоло Анафесто, избранный в 697 году. Вначале правительство свободных островитян находилось в Геракле, позже переместилось в Маламокко. В конце концов, в 813 году, правительство переехало на Риальто, в центр компактной группы островов, испещренных каналами. Место сулило прекрасные возможности для расширения и развития. Здесь буквально из моря быстро возник густонаселенный город; он получил название Венеция в честь племени, к которому принадлежали предки многих его обитателей, а также римской провинции, в которую включили этот край.

Отважные и выносливые местные жители, бывшие рыбаки, естественным образом переключились на морские перевозки. Из перевозчиков они превратились в торговцев. Папы римские и императоры Византии, желавшие получить поддержку сильной молодой республики, не скупилась на предоставление венецианцам торговых привилегий. Не удовлетвовавшись бесплодными островами в Венецианской лагуне, венецианцы расширили свою территорию на соседние участки материковой Италии и побережье Далмации. Богатства Востока и Запада рекой полились на густонаселенную группу островов, сосредоточенную вокруг Риальто. На накопленные богатства возводили величественные храмы и дворцы. Возник чудесный город, где вместо улиц было море; в его водах отражались бесчисленные купола и башни. Сильная демократическая республика превратилась в богатую аристократию, а рыбацкая деревушка стала столицей могущественной империи. К тому времени древняя Римская империя давно уже мучилась родами; но наконец, после долгих схваток, на свет появилась Венеция – город дождей и патриархов, город Тициана, Тинторетто и Джанбеллино, Альди, Казановы и Гольдони... и город первого гетто.

Основатели Венецианской республики, бесхитростные рыбаки, едва ли включали евреев в свое число. Более того, при виде еврея они втягивали голову в плечи. Их вовсе не заботила судьба нехристиан, которые могли жить рядом с ними на материке. После многочисленных войн население городов по всей Италии резко сократилось, что неизбежно повлияло и на еврейские общины. Тем не менее некоторые такие общины на северо-востоке страны, судя по всему, пережили Античность и перешли в Средневековье. Существует любопытное предание, согласно которому еще в дохристианскую эпоху в маленьком городке Чивидале жили евреи. В 1568 году легенда получила торжественное признание местной общины, хотя никаких научных обоснований под собой не имела. Разумеется, нельзя утверждать, что изложенные в легенде сведения правдивы. Тем не менее она подтверждает древность заселения региона евреями. Согласно одному упоминанию, около 930 года некий раввин Соломон бен Танхум бен Задок принял участие в религиозном диспуте с пылким христианским священником. Диспут проходил в провинции Романья, в окрестностях Равенны; раввин вышел победителем. Примерно в

то же время рьяный епископ Ратерий выгнал всю еврейскую общину из старинного римского города Верона. По вполне надежным сведениям, евреи жили в Тревизо около 905 года и после того, а также в Триесте в 949 году. Можно предположить, что, раз в тех местах жили евреи, значит, они объединялись в общины. Более крупные сообщества проживали в окрестностях Рима, поскольку папы относились к евреям более или менее благожелательно. Оттуда отважные первопроходцы время от времени переселялись в другие места, особенно на север. Прозвещающая Венеция привлекала все больше торговцев из всех частей Европы. В их число в то время входило очень много евреев. Тем не менее изначально жители Венецианской республики относились к евреям настороженно. Ревностные католики, они отказывались предоставлять гостеприимство упорствующим неверным; кроме того, венецианцы опасались конкуренции с их стороны. О духе нетерпимости в начальный период венецианской истории свидетельствует самое первое письменное упоминание о евреях, сохранившееся в архиве Венецианской республики. Так была заложена традиция, которой в республике следовали все время ее существования.

Около 932 года в Европу стали проникать противоречивые слухи о недавних событиях в Святой земле, которая тогда, как и всегда, служила центром притяжения для представителей всех трех великих монотеистических религий. Некий еврей, недавно приехавший с Востока в Германию, распространял повсюду историю, которая значительно способствовала славе его единоверцев. По его словам, в Иерусалиме состоялся религиозный диспут между евреями и христианами, в котором первые одержали сокрушительную победу. Их победа сопровождалась сверхъестественным явлением (кажется, землетрясением), причинившим значительный ущерб храму Гроба Господня. Возмущенный дож Пьетро Кандиано II написал императору Священной Римской империи, возражая против такой интерпретации событий. По его словам, правда сильно отличалась от вымысла. В Иерусалиме действительно состоялся религиозный диспут, в котором евреи, подкупив мусульманские власти, формально одержали победу. Однако в поддержку христианства в храме Гроба Господня произошло чудо, вследствие которого многие неверные перешли в истинную веру. Дождь надеялся, что власти Германии постараются воспрепятствовать распространению клеветы и не дадут далее порочить христианскую веру. После того как евреям расскажут, как все было на самом деле, они, скорее всего, вынуждены будут креститься. Тем, кто не пожелает перейти в истинную веру, придется покинуть пределы империи.

По ожесточенному посланию дожа ясно, как относились к евреям в ранние годы существования Венеции. Поэтому маловероятно, что в то время какие-то евреи могли там поселиться. Даже исключения было недостаточно для мнения современников. Несколько лет спустя, в 945 году, сенат издал указ, по которому капитанам кораблей, ходившим в восточных водах, запрещалось брать на борт евреев или других торговцев. Судя по такой оговорке, в то время слова «еврей» и «купец» или «торговец» были почти синонимами. Это первое упоминание евреев в законодательстве Венецианской республики.

Несмотря на строгость такой протекционистской меры, она, судя по всему, применялась не всегда. В конце концов, торговля подразумевает принцип взаимности; ее невозможно сделать монополией одной из двух участниц сделки. Иностранные купцы, естественно, устраивали в Венеции склады. Чаще всего приезжие купцы были немцами, приезжавшими с той стороны Альп, или левантинцами из Византийской империи и соседних с ней восточных стран. Можно предположить, что среди тех и других имелось немало евреев. Венецианцы питали искреннюю неприязнь к их деловой хватке и отвращение к их религиозным верованиям. Тем не менее, каким бы желательным ни казалось такое действие, о том, чтобы совершенно изгнать евреев, не могло быть и речи. Евреи неизбежно проходили через город по пути с Востока на Запад, так как венецианцы держали монополию на перевозку товаров водным путем. Невозможно было в каждом отдельном случае и торопить их поскорее покинуть город, и не позволять им

совершать какие-то небольшие коммерческие сделки во время их пребывания в Венеции. В худшем случае евреи могли заручиться помощью христиан, или в качестве подлинных компаньонов, или в качестве ширмы. Благодаря таким уловкам им удавалось без помех торговать в Венецианской лагуне. Так в городе постепенно скапливалось временное еврейское население. По некоторым данным, уже в 1152 году в Венеции временно проживали 1300 евреев. Возможно, последняя цифра преувеличена, и все же она служит недвусмысленным доказательством того, что у евреев в городе уже сложилось некое ядро. Правда, жить в центре города им не позволялось. Они доставляли свои товары на остров Спиалунга, на берегу канала, напротив собора Святого Марка. Там же они вели свои операции. Позже остров Спиалунга – в те времена болотистая пустошь, испещренная многочисленными каналами, – получил, из-за своих обитателей-неверных, название Джудекка¹, которое сохраняет по сей день. Впервые это название встречается в документе от 1252 года. Много столетий спустя такая версия подтвердилась находкой. Археологи обнаружили на острове развалины двух старинных синагог, в которых эти изгои отправляли свои религиозные обряды. Вплоть до последних дней существования Венецианской республики евреи играли важную роль в ее торговле со странами Леванта. Занятые в такой торговле получали льготы и привилегии, выделявшие их из общей массы единоверцев. В старинных хрониках говорится даже об одном еврее, который способствовал появлению в городе этой жизненно важной отрасли коммерции. В 1290 году роль торговцев-евреев зафиксировали в указе, по которому все товары, ввозимые или вывозимые евреями, облагались пятипроцентным налогом. С тех пор их положение признали и, до некоторой степени, обеспечили гарантиями.

Начиная с XI века Венецианская республика расширяла территорию и вступала во все более тесные отношения с некоторыми старинными центрами проживания евреев. Древние общины существовали по всему побережью Далмации, на которое Венеция распространила свое влияние в 1085 году. Ширились и ее материковые владения. Вскоре в состав республики вошли многие города, славившиеся своей веротерпимостью. В Византийской империи, где после так называемого Четвертого крестового похода (1204) влияние Венеции стало почти преобладающим, с античных времен сосуществовали многочисленные поселения; и на многих островах Леванта, которые примерно в то же время подпали под влияние Венецианской республики, со времен Античности жили процветающие еврейские общины. Особенно вышесказанное характерно для греческих островов, которые тогда были центрами шелкоткачества; эта отрасль находилась всецело в руках евреев.

В Константинополе еврейская община подчинялась власти венецианского *байло* (представителя) даже после возвращения города под власть Византии. В обмен на покровительство евреи платили байло довольно большие налоги. Так, он получал десять *гиперфер*² после своего назначения и такую же сумму ежегодно на Рождество, Михайлов день, Благовещение и День святого Марка. Помимо того ему присылали дань натурой: 30 пар сапог каждую весну и столько же метел в марте. В более поздний период Венецианская республика получала от евреев в Салониках, тогда бедного и пришедшего в упадок порта, 1000 гиперфер в год. Позже, из-за крайней бедности общины, сумму сократили до 800 гиперфер.

К концу XIII века, несмотря на экономическую и религиозную нетерпимость, Венецианская республика числила среди своих подданных большое количество евреев, разбросанных по всем уголкам ее владений. Они наверняка часто посещали и столицу – по торговым или политическим делам. Несомненно, некоторые из них выражали желание поселиться там на постоянной основе. Судя по всему, власти республики не могли изгнать всех своих подданных-евреев.

¹ Это самое вероятное, но не единственное объяснение происхождения названия, подразумевающего связь со словом *giudeo* (еврей).

² Гиперфер – византийская монета, эквивалентная итальянскому флорину.

Шло время, нравы смягчались, и Венеция стала крупным центром притяжения евреев. Раввин Исайя ди Трани, самый видный итальянский талмудист первой половины XIII века, хорошо знал Венецию, где какое-то время проживал. В 1288 году, когда ученый Хиллель бен Самуэль из Вероны решил созвать официальное собрание для разрешения спора в связи с идеями Маймонида, он, не колеблясь, предложил Венецию как одно из возможных мест встречи³.

В XIV веке в отношении евреев с Венецией был привнесен новый элемент. После X века, когда термины «еврей» и «торговец» считались почти синонимами, произошло много событий. Для европейских евреев началась эпоха мученичества. Их страдания были не только телесными, но и духовными. Общество все больше пропитывалось духом религиозной нетерпимости. Евреев постепенно изгоняли из всех привычных сфер деятельности. В эпоху феодализма чувство надвигающейся опасности нарастало. Евреям запретили заниматься сельским хозяйством. После образования сплоченных ремесленных цехов и гильдий занятия ремеслами для евреев тоже стали невозможны, кроме отдельных исключительных случаев. Из-за зависти членов купеческих гильдий, часто подкрепленной предубеждением властей, их вытесняли и из торговли. Евреям запрещалось занимать посты, на которых они получали хотя бы номинальную власть над христианами, поэтому их вытесняли и из органов управления. Для них оставался открытым лишь один род занятий – ростовщичество.

Тем временем невероятный идеализм, подкрепляемый искаженными толкованиями текстов Священного Писания и неверной логикой, вылился в то, что церковь вводила все более и более суровые запреты на ссуду денег под проценты. Богословы утверждали, что в Библии ростовщичество запрещалось особо. Неодобрительно относился к ростовщичеству и Аристотель, чей авторитет в те времена уступал лишь авторитету Библии. Подобное занятие осуждает сама природа, которая не делает деньги с помощью обычных процессов воспроизводства! Поэтому церковь все больше приходила к негласному противодействию «ростовщичеству», как его называли, независимо от размера процентной ставки. В конце концов на Третьем Латеранском соборе 1179 года (том самом, на котором, вместе со следующим собором, состоявшимся 36 лет спустя, были приняты главные антиеврейские законы Средневековья) нападки достигли высшей точки. Всем, кто занимался столь гнусным делом, ростовщичеством, отказывали в христианских похоронах. Правда, запрет касался лишь христиан. Таким образом, в тот период, когда евреев вытеснили из всех обычных сфер деятельности, они волею обстоятельств оказались связаны с самым позорным и наименее уважаемым из всех занятий. Даже главы еврейских общин не одобряли ростовщичество; если должником оказывался единоверец-еврей, ростовщичество откровенно запрещалось. Тем не менее в конце концов и главам еврейских общин пришлось уступить. К концу XIII века в подавляющем большинстве католических стран, с частичным исключением Южной Италии и Испании, евреев в основном ограничили этим презренным и презираемым занятием.

Не то чтобы сама профессия, о которой идет речь, была достойна порицания. Более того, ростовщичество совершенно необходимо в любом обществе, основанном на денежной экономике (библейский запрет касался чисто пастушеских и аграрных общин). Бедняку заем мог понадобиться на покрытие срочных потребностей во время крайней нужды семьи; богачу заем был нужен, чтобы наладить какое-либо прибыльное предприятие; крестьянину – чтобы пережить период между посевной и сбором урожая. Но любой заем в каком-то смысле зависит от случая, и взимаемые проценты служат отчасти страховкой от убытков. Более того, заемщик, который на время лишает заимодавца возможности пользоваться своим капиталом и таким образом не дает капиталу служить любой продуктивной цели, явно должен выплатить некото-

³ С Венецией связано имя неустрашимого полемиста Якоба бен Или, который около 1260–1270 годов обратился со знаменитым полемическим письмом к вероотступнику Пабло Кристиани. Однако есть все основания полагать, что этот ученый был родом либо из Валенсии (Испания), либо из Валанса (Франция), а в Италии никогда не бывал.

рую компенсацию. Вся современная экономика построена на кредитной системе, неотъемлемой частью которой является процент; этот процесс был хорошо развит уже в конце Средневековья.

Церковь не учитывала все указанные соображения. Ее идеологи не видели разницы между низкой процентной ставкой, справедливой и неизбежной, и высокой процентной ставкой, которая иногда бывала поистине чудовищной. Все это церковь называла ростовщицеством и огульно осуждала. В определенном смысле такое отношение можно назвать не идеализмом, а слепотой. Подобные взгляды можно считать оправданными лишь в том случае, если бы сама церковь предоставляла беспроцентные ссуды, подчас совершенно необходимые для существования бедняков. Однако к такому церковь была совершенно не готова. Более того, многие усматривали лазейки в законе и обходили неосуществимые правила. Самую дурную славу по всей Европе заслужили ростовщики-итальянцы; их ненасытность часто заставляла все население горько сожалеть об изгнании их конкурентов-евреев. Руки самой Папской курии также не были чисты. В Италии особенно дурную славу получили тосканцы; правда, во времена Данте среди ростовщиков преобладали падуанцы, которых ждало примерное наказание в его «Аду».

Все это, однако, относится к крупным операциям. Зато более мелкие операции, более рискованные и потому менее популярные, сосредоточились почти исключительно в руках евреев, на которых церковные ограничения не распространялись. Только благодаря их деятельности экономическое положение стало сносным. В Италии они действовали полуофициально. По всей стране, когда наличных денег оказывалось недостаточно, а подпольные операции ростовщиков-христиан вели к безжалостной эксплуатации городского населения, местные правители упорядочивали дела, призвав в город нескольких евреев. Вступали в переговоры с одной или несколькими семьями; их число зависело от размера города. Затем с ними заключали официальный договор. Евреям предоставляли исключительное право на открытие в том или ином городе «банков», как их называли, с целью дачи денег в займы. Во всех подробностях оговаривался размер процентной ставки, которая обычно выгодно отличалась от ставок, взимаемых ростовщиками-христианами. За это евреям гарантировались свобода от преследований и свобода исповедовать их веру. Евреи, со своей стороны, обязывались предоставить определенный минимальный капитал, соблюдать правила в связи с продажей залогов и сходных вопросов, а также – в знак благодарности за предоставленные им привилегии – сделать крупный взнос в городскую казну. Такая двусторонняя сделка (*condotta*, или «договор о найме», как его тогда называли), как правило, заключалась на ограниченное число лет – чаще всего на три года, пять или десять лет. По окончании этого периода договор прекращал действие, и стороны получали право продлить его или заключить новый договор. Еврейские банкиры вели свои операции в Риме и на прилегающих к нему территориях Центральной Италии, где очень давно обосновались еврейские общины. Начиная с XIV века их количество пополнялось евреями из Германии, искавшими убежища по ту сторону Альп из-за безжалостных преследований, которым они подвергались в Северной Европе. Ссудные конторы-банки открылись в Тревизо в 1294 году, в Падуе в 1369 году и примерно в тот же период распространились на другие города региона. Наконец, и Венеция, несмотря на традиционную неприязнь к евреям, вынуждена была подчиниться экономической необходимости и последовать общему примеру.

К тому времени чрезвычайно обострился вопрос об облегчении самых насущных нужд беднейших слоев городского населения с помощью денег. Уже в 1298 году процентные ставки, назначаемые безнравственными ростовщиками-христианами, выросли до таких пределов, что для расследования их деятельности назначили специальную комиссию. Возможно, именно после того в город впервые пригласили еврейских ссудных банкиров. Венецианцы, однако, сохраняли некоторые сомнения. Ростовщики-нехристиане не допускались в сам город. Им приходилось вести дела из соседнего поселения Местре, ближайшей точки к материку. Местре в 1336 году выкупили у правителей Вероны. В Местре евреям разрешалось открывать свои

лавки. Горожане обращались к ним за наличными деньгами, которые помогали им пережить трудные времена. Конечно, такой порядок сопровождался многочисленными неудобствами; и в конечном счете республике пришлось смириться перед обстоятельствами. 28 июня 1366 года с еврейскими ростовщиками из Местре заключили соглашение. Их пригласили вести дела в столицу. Тогда власти впервые разрешили официально создать еврейское поселение в Венеции.

Условия этого самого раннего договора-*condotta* не сохранились. Судя по всему, он был рассчитан на семь лет и продлевался в 1373, 1378 и 1385 годах – на пять, семь и десять лет соответственно. В последнем случае возникшую общину подчинили Торговому совету, который назывался *Sopraconsoli*. Совету необходимо было представить список с именами еврейских банкиров. За монополию в содержании трех ссудных контор в городе им приходилось платить значительные суммы, которые в 1385 году доходили до 4 тысяч дукатов в год⁴. Взамен их освобождали от всех остальных налогов, кроме налога на импортируемые и экспортируемые товары. Процентная ставка изначально составляла 4 процента. Однако ее сочли неэкономичной и впоследствии поднимали до 8 или 10 процентов под залог или до 12 процентов без залога. При условии предоставления адекватного залога банки не имели права отказывать городским беднякам в займах на сумму до 30 дукатов, так как предполагалось, что ссудные конторы созданы в их интересах. Однако им было запрещено принимать в качестве залога любой предмет, используемый в католических церковных обрядах. О личности первых поселенцев известно мало. Однако в 1389 году один из главных банков, обладавший гарантированным капиталом в 5 тысяч дукатов, принадлежал некоему еврею по имени Леви и его сестре – любопытная черта, которая отнюдь не является исключением. Еврейские женщины в Средние века были на удивление эмансипированными.

Первый договор, или *condotta*, от 1366 года неоднократно продлевался до конца столетия. В последнем случае, как уже было показано, его продлили на беспрецедентно долгий период в десять лет. Однако присутствие евреев в городе всегда раздражало набожных венецианцев. В 1394 году, когда до окончания действия договора оставалось совсем немного времени, сенат решил отказаться от услуг евреев. Судя по всему, такой шаг стал результатом неблагоприятного стечения обстоятельств. Один из венецианских банков возглавлял, совместно с венецианским подданным по имени Джакомо Паниши, некий Ансельмо, сын Самуэля, еврей из Нюрнберга, чьи братья Якоб и Авраам занимались такими же делами в Вероне и Виченце соответственно. После личной ссоры они добились – не получив должного подтверждения – ареста их компаньона-нееврея во время визита в Виченцу. Такой поступок сочли преступлением против государства, и против них предприняли соответствующие действия. Ансельмо посадили в тюрьму и приговорили к штрафу. Его братья бежали и были осуждены за неподчинение суду. Очевидно, дело послужило для сената предлогом. Сенат постановил, что поведение евреев в срок действия последнего договора было «позорным». Они не соблюдали предписанные правила в проводимых ими операциях. Их деятельность распространилась настолько широко, что, если не применить крайнее средство, все движимое имущество в городе стремительно перейдет в их руки. Поэтому было решено не продлевать договор; в результате на следующий год, после окончания действия договора, еврейские банкиры покинули город.

Евреев прогнали без труда, однако заменить их оказалось не так просто. Бедняки остались без всякой помощи в нужде. Последовал небольшой экономический кризис. Властям пришлось спешно заключать новый договор с высланными банкирами. Дабы сохранить лицо, сенаторы запретили евреям возвращаться в сам город. Им надлежало вести свои дела, как раньше, в Местре, где заключались все сделки. В Венеции им разрешалось находиться не дольше пят-

⁴ Дукат (называемый так в честь дожа, или *Duca*) был стандартной денежной единицей Венеции; позднее он стал называться цехином. Золотой дукат, на который ссылаются чаще, эквивалентен 1,46 доллара в современном исчислении; серебряный дукат эквивалентен 0,83 доллара. Однако необходимо помнить, что эти суммы являются приблизительными и почти не дают представления о покупательной способности монеты, которая постоянно менялась.

надцати дней подряд, чтобы посещать аукционы на Риальто, где продавались невыкупленные залого. Тогда евреям впервые приказали носить унижительные желтые метки, которые должны были, в соответствии с предписаниями католической церкви, выделять их в толпе.

Попытка совершенно избавить город от евреев окончилась полным фиаско. Под предлогом посещения аукционов на Риальто они в больших количествах пересекали Венецианскую лагуну. После истечения разрешенного двухнедельного периода они послушно возвращались в Местре на один день, а затем снова приезжали на две недели. Конечно, в городе евреи занимались самыми разными делами; по свидетельствам очевидцев, их было особенно много в приходах Святого Аполлинария и Святого Сильвестра. Поэтому власти издали указ: между визитами должен пройти период в четыре месяца. Но даже такой меры оказалось недостаточно для полного изгнания. Судя по постоянному возобновлению старого закона относительно условий ношения отличительной метки и различных ограничений, связанных с профессиональной деятельностью, весь XV век евреи оставались в Венеции на продолжительные сроки. Чтобы покончить с таким положением раз и навсегда, в 1496 году власти издали указ, по которому евреям запрещалось оставаться в городе более чем на две недели в году. По истечении двух недель они должны были покинуть город на двенадцать месяцев. В то же время в указе оговаривалось, что ни один из банков Местре не может быть представлен на аукционе, где продаются невыкупленные залого, более чем одним человеком. По свидетельствам очевидцев, узнав о новых правилах, евреи пришли в бешенство. Конечно, они вскоре нашли способ обойти запреты, как было и в других случаях.

В тот период по всей Италии нарастали антиеврейские настроения. В значительной мере такая враждебность объяснялась распространением религиозных предрассудков. Однако отчасти дело было в экономических причинах. Ревностным католикам невыносимо было наблюдать за тем, как ростовщики-евреи процветают из-за близорукости церкви. Вскоре отдельные проповедники начали требовать заменить евреев-ростовщиков государственными ломбардами, которые управлялись бы на благотворительной основе. Их называли *Monti di Pietà*, буквально «холмы милосердия». Словом *monte* изначально называли груды монет, которая лежала перед банкиром или менялой на столе. Позже так стали называть сами банки. Зачинщиками беспорядков становились различные монахи-францисканцы; особенно отличился Бернардино да Фельтре. Новшество понравилось не всем. Монахи-доминиканцы в принципе сомневались в законности и нравственности взимания любых процентов, пусть и скромных, даже государственными учреждениями. В некоторых местах процентные ставки оказывались настолько высокими, что увеличивали, а не уменьшали бремя выплат для простых людей. В других местах процентные ставки были, наоборот, столь низкими, что содержание ломбардов не окупалось. Евреи вовсе не были настроены против государственных ломбардов в принципе; более того, есть письменные свидетельства того, что иногда они ссужали деньги на поддержку новых учреждений. Однако естественным следствием происходящего, что подчеркивали многие основатели, особенно сам Бернардино да Фельтре, стало то, что евреи стали не нужны. Поэтому их все чаще требовали изгнать без всяких сожалений. Конечно, случалось так, что через несколько лет их призывали назад; возникала необходимость в их навыках, которые позволяли делать то, на что не способно простое воодушевление. Однако во многих местах создание государственных ломбардов означало разрыв отношений с евреями, которые в некоторых случаях поддерживались веками. Вместе с тем наметилась и обратная политика, примером которой служат папы римские. Они постоянно демонстрировали снисходительную терпимость по отношению к евреям, проживавшим в их владениях. В таких условиях невозможно было предсказать, какой политики будет придерживаться то или иное христианское государство. В 1463 году правительство Венеции обратилось к папскому легату, кардиналу Бессариону, за точными разъяснениями: допустимо ли терпеть евреев в его владениях? Ответ находится в полном соответствии с либеральными традициями католической церкви: для подобной терпи-

мости нет никаких возражений, при условии лишь соблюдения надлежащих мер предосторожности. Поэтому Совет большинством голосов (9 за, 3 против, 4 воздержались) высказался за то, чтобы евреям и дальше позволили проживать на территориях, подвластных Венецианской республике. Впрочем, некоторые подчиненные Венеции города упорствовали, и сенат уступил их неоднократным просьбам. Что касается самой столицы республики, там по-прежнему господствовала терпимость как по отношению к приезжим торговцам, так и к «своим», проживавшим в самом городе, а также к ростовщикам, высланным в Местре.

Срочные договоры заключались только с еврейскими банкирами. К другим категориям их единоверцев относились куда либеральнее, и они не подвергались таким строгим ограничениям. Особенно это относилось к левантийским купцам. Они, как и прежде, приезжали в Венецию для торговли. В 1386 году, после продления очередного договора, власти впервые официально признали присутствие в городе купцов из Леванта, которым предоставили особые привилегии. В том же году остров Корфу, где евреи составляли уважаемую и значительную часть населения, вверил свою судьбу Венеции. Представитель еврейской общины входил в состав делегации из шести человек, которая приезжала в Венецию договориться об условиях передачи острова под власть республики. Среди льгот, гарантированных в то время тамошним евреям, можно назвать право свободной и беспрепятственной торговли во всех венецианских владениях. В 1321 году несколько евреев-купцов из венецианских владений фигурировали в требовании к Византийской империи выплатить компенсацию за понесенный ущерб. К середине столетия доходы республики включали 600 дукатов, получаемых ежегодно от еврейских заморских купцов. Правда, уже в 1476 году купцам-евреям из венецианских владений категорически запретили торговать в городе, как от своего имени, так и от имени компаньонов-неевреев. После возвышения Османской империи на развалинах Византии положение евреев в Леванте значительно улучшилось, и их роль в коммерции возросла; в то же время, зная о том, что за границей им предоставят дипломатическую защиту, они чаще пускались в рискованные предприятия. После заключения мира с Турцией в 1479 году еврей-торговцы часто приезжали в Венецию с караванами из Леванта. В 1504 году нескольких еврейских купцов, пришедших на галерах из Александрии, арестовали, но немедленно пришел приказ их освободить. Не следует, однако, считать, что коммерческие отношения Венеции с евреями сводились лишь к обитателям Ближнего Востока. В 1308 году в венецианских владениях, в окрестностях Зары, убили еврейского купца из Сиракуз, и король Сицилии потребовал от властей Венецианской республики позаботиться о том, чтобы имущество убитого передали наследникам. Немного позже в самой Венеции проживал еще один еврей, подданный Сицилийского королевства; его нападки на одного вероотступника выдавали больше рвения, чем осторожности. В 1395 году некий Думаско, сын Авраама Леви из Бургоса, который получил на откуп портовый сбор в королевстве Кастилия, подписал соглашение об освобождении венецианских купцов от трети всех обычных налогов на товары, ввозимые в страну в течение последующих двух лет – несомненно, в обмен на оказанные услуги.

В Венецию приезжали даже евреи из северных стран, где они составляли малую часть торгового сословия. Конечно, их не приглашали на Fondaco dei Tedesci («Немецкое подворье»), где останавливались купцы из Германии. И все же их невозможно было совсем не допускать туда, тем более что они приносили немало прибыли в казну. Именно на «Немецком подворье» приезжие из Германии платили въездные пошлины; в архивах за 1329 год имеется запись о четырех евреях из Цюриха, у которых возникли неприятности, потому что они приехали в пятницу, когда учреждение было закрыто, и не выплатили причитающиеся пошлины на следующий день, в субботу, так как у них был праздник.

Коммерческие операции евреев в Венеции распространились настолько широко, что привлекли особое внимание правительства. В 1390 году, когда император Венцеслас бесцеремонно отменил все долги немецким евреям, разделив прибыль с должниками, он попросил дожа

охранять купцов-немцев в Венеции, чтобы евреи не требовали у них возвращения долгов. К просьбе отнеслись благосклонно, и в результате все споры, связанные с немецкими евреями, уполномочили разрешать правление «Немецкого подворья». Некоторые купцы с Севера, невзирая на то, что нехристиане не допускались на «Немецкое подворье», назначали евреев своими представителями для ведения коммерческих операций в Венеции. Скорее всего, в ряде случаев такая формальность служила всего лишь предлогом, благодаря которому евреи получали возможность вести торговые операции, в которых им в ином случае было отказано. Среди тамошних купцов особенно широко были представлены выходцы из Нюрнберга, процветающей торговой республики, которая контролировала торговые пути севернее Альп примерно так же, как Венеция контролировала торговые пути к югу от Альп. До наших дней⁵ сохранились торговые отчеты, составленные на венецианском диалекте, еврея по имени Николас из Лейбница, которые восходят к XIII или XIV веку. В 1491 году в Венецию для закупки шелка и золота послали некоего Самуэля из Мареле, поставщика императорского двора; по особой просьбе императора Священной Римской империи Совет десяти позволил ему не носить специальную метку и ходить с оружием, в сопровождении двух слуг. Другие приезжие, которым не позволяли торговать новыми товарами, вынуждены были торговать подержанными вещами (*strazzaria*), особенно одеждой. Это было запрещено законом от 1497 года.

В тот период в Венеции можно было часто встретить евреев-врачей. Медицина – род занятий, к которому евреи в ходе своей истории выказывали особое расположение. В начале Средних веков их тесный контакт с мусульманским миром, тогда главным центром всех сфер науки, давал им значительное преимущество в области медицины. Даже когда первенство перешло к христианской Европе, у евреев по-прежнему проявлялись врожденные способности. Более того, медицина была единственной сферой профессиональной деятельности, какой они тогда имели право заниматься. Правда, католическая церковь издавна запрещала верующим христианам пользоваться услугами евреев-врачей. Причины были очевидными. Пациент подчиняется врачу, что в те времена казалось неправильным в тех случаях, когда последний был евреем. Помимо власти над телом, врач иногда приобретал власть и над разумом пациентов. Более того, в случае летального исхода врач-еврей мог помешать, вольно или невольно, совершению таинств причащения и соборования и таким образом подвергал христианскую душу риску вечного проклятия. Запрет приглашать евреев-врачей восходит к Средним векам. Впрочем, простые люди предпочитали рисковать спасением души, не подчиняясь церковным указам, а не подвергать опасности тело, доверив его заботам какого-нибудь грубияна-нееврея. Поэтому и в Средние века, и позже люди чаще приглашали врачей-евреев. Венеция не стала исключением из общего правила.

В 1331 году некоему еврею-врачу по имени Леоне (Иуда) было дано разрешение практиковать в городе, учитывая его прекрасную репутацию и огромное уважение, которым он пользовался⁶. В конце века врачей-евреев стало больше. В 1395 году, когда евреев изгнали из города, многие сомневались, стоит ли вместе со всеми выгонять врачей, самым известным из которых был мастер Соломон. Тогда единодушно решили, что стоит. Однако вскоре после того указом начали пренебрегать, и евреи-врачи, получившие законные лицензии от *Giustizia Vecchia* (представители городского магистрата, которые регулировали, в числе про-

⁵ Книга написана в 1930 году. (*Примеч. пер.*)

⁶ Кроме того, в Венеции проживали многие евреи, перешедшие в христианство; они занимались медицинской практикой. Так, в 1334 году некоему Джованни или Гульельмо, сыну Мауэцио из Рима, позволили заниматься медицинской практикой, несмотря на то что он учился только по учебникам, написанным на древнееврейском языке. В 1358 году такую же привилегию предоставили некоему Агостино, который крестился вместе со всей семьей. В 1332 году мастер Франческо, врач, запросил разрешения поехать в Рим, чтобы воспитывать детей в христианском окружении. В 1401 году лицензию на врачебную практику выдали Аврааму Никколо, еврею-выкресту, – возможно, он же известен под именем Соломона Авраама из Египта, который в том же году получил диплом от папы Бонифация IX. Некий мастер Андреас в 1421 году отрекся от иудаизма, утверждая, что некоторые бывшие единоверцы ожесточенно нападали на него.

чего, деятельность представителей многих ремесел и «свободных профессий»), снова появились в городе. В 1419 году тому же мастеру Соломону (а может быть, другому врачу, носившему то же имя) позволили заниматься медицинской практикой в Венеции в знак признательности за то, что он исцелил нескольких видных горожан. Исключения делались так часто, что вскоре превратились в правило; и 11 апреля 1443 года власти издали указ, по которому евреям разрешалось заниматься в Венеции медицинской практикой без формализма. Напрасно христиане-фанатики возражали против такой уступки, а патриций Людовико Фоскарини пытался добиться отмены указа, пользуясь своим влиянием на духовника дожа. Все попытки не увенчались успехом, и врачи-евреи продолжали практиковать в городе. В конце XV века в Венеции некоторое время укрывался Илия дель Медиго, уроженец Крита, который прославился как врач, переводчик, философ и величайший последователь Аристотелевой системы. Именно там он в 1480 году написал комментарий к трактату Аверроэса (Ибн Рушда) *De substantia orbis*, благодаря которому приобрел такую славу, что его призвали в Падую, где он выступил арбитром в научном споре. В Падуе дель Медиго познакомился с Пико делла Мирандола, чьим наставником впоследствии стал во Флоренции. Слава венецианских врачей распространилась далеко за пределами самого города-государства. Один из них, еще один мастер Леоне, стал придворным медиком Великого князя Московского; в 1409 году его публично сожгли в Москве за то, что он не сумел исцелить больного.

После того как ношение желтых меток стало обязательным для венецианских евреев, для врачей часто делали исключение, дабы врач не унижал чести патрициев, которых он посещал. Правда, в 1412 году все подобные льготы отменили, но вскоре начали выдавать их снова. В течение XV века их многократно то отменяли, то возвращали. Тем не менее все известные врачи-евреи по-прежнему освобождались от этой унижительной обязанности. Как правило, им не составляло труда найти влиятельных пациентов, которые охотно пользовались своим положением и предоставляли им нужные привилегии. Так, в 1502 году мастеру Иосифу официально разрешили носить не красный, а черный головной убор, обычный для врачей-христиан. Для этого понадобилось вмешательство знаменитого Лоренцо Суареса, чьим лекарем он был. Возможно, он же или другой врач, носивший то же имя, упоминается в римских источниках; позже он получил значительные привилегии от папы Юлия II. Судя по некоторым источникам, он был сыном Самуэля Сарфати, служившего личным врачом при нескольких папах. Их имена относятся к самым первым в благородной череде евреев-врачей, которые продолжали свою деятельность вплоть до падения Венецианской республики.

Даже в то время, когда еврейская община Венеции была мала и к ней относились нетерпимо, город привлекал к себе евреев. Из венецианского порта отправлялись на Восток. Там евреи-паломники садились на корабли, чтобы посетить землю своих предков или поселиться в одном из священных городов. Во все времена в гавани можно было увидеть страстные лица паломников, ожидавших посадки на корабль, который приближал их к осуществлению надежд. Часто они брали с собой тела своих близких и родных, которые выразили желание быть похороненными в Святой земле, средоточии их молитв при жизни. Через несколько месяцев благочестивые путешественники с триумфом возвращались; их разорванные одежды красноречиво свидетельствовали о перенесенных ими невзгодах. С собой они везли палестинскую землю (*terra santa*), которой требовали осыпать гроб после смерти, чтобы их прах смешался со священным прахом. Можно живо представить, как они высаживались на берег и как их обступали взволнованные толпы единоверцев.

Всем не терпелось узнать последние новости о земле, с которой все евреи связывали свои надежды и помыслы. Так, 19 октября 1482 года в Венецию вернулся Мешуллам Вольтерра. Он совершил трудное и волнующее паломничество на корабле под управлением постоянно пьяного рулевого; о своем путешествии он оставил подробный и интереснейший отчет. Путешествие из Венеции в Иерусалим занимало в среднем около 40 дней. Оно служило сим-

волом средневековой терпимости, ведь евреям иногда разрешалось присоединяться к паломникам-христианам.

В XV веке эту традицию нарушили. Мелкая стычка между представителями различных христианских сект в Иерусалиме потребовала вмешательства мусульманских властей, и султан отобрал у францисканцев («Кустодии Святой земли») право хранить христианские святыни. Францисканцы, следуя освященной временем традиции, возложили вину за случившееся на евреев. Они дошли до того, что обвинили евреев в попытке купить их монастырский храм, чтобы превратить его в синагогу. Обвинить их в чем-то подобном можно было разве что в шутку: несколько десятков живших в Священном городе еврейских семей (из них женщин, в основном пожилых, в 10 раз больше, чем мужчин) так бедствовали, что не могли платить общий налог и вынуждены были продать имущество синагоги, в том числе даже свитки Торы, чтобы оплатить хотя бы основные расходы. Единственным основанием для подобного обвинения является безобидный факт: некий еврей, который был немного богаче остальных, купил клочок земли на горе Сион. Естественно, по пути слухи обрастали новыми подробностями. В результате папа Мартин V в 1437 году направил буллу двум морским республикам, Венеции и Анконе. Отныне всем капитанам и судовладельцам под угрозой отлучения от церкви запрещалось провозить на своих судах евреев в Святую землю. Приказ выполняли неукоснительно; некоторые капитаны морских судов доходили до того, что сбрасывали пассажиров-евреев в море. В 1487 году, когда Обадия ди Бертиноро, основатель еврейского поселения в Иерусалиме, отправился из Читта-ди-Кастелло на севере Италии в свое эпохальное путешествие на Святую землю, ему пришлось по суше добираться до Неаполя. Только там смог он сесть на корабль. В результате вместо обычных шести недель путешествие заняло у него больше года. Лишь по прибытии он узнал, что запрет недавно отменили. Немного подождав, он мог бы отплыть из Венеции, тем самым сэкономив много времени и денег и избежав опасностей. С тех пор паломничества продолжались обычным путем, без перерыва. Исключения составляли лишь периоды войн.

Хотя власти Светлейшей республики, как называли Венецию, не любили евреев и едва их выносили, они, по крайней мере, не допускали дурного с ними обращения. Примечателен случай, произошедший на волне антиеврейских выступлений, которые прокатились по Италии в 1475 году. Фра Бернардино да Фельтре, печально известный антисемит, читал великопостные проповеди в городе Тренте, расположенном неподалеку от границы венецианской территории. Понимая, что ему не удастся в должной степени возбудить чувства верующих, он начал выдвигать против евреев самые чудовищные клеветнические обвинения и предсказал, что перед еврейской Пасхой иудеи убьют христианского младенца в ритуальных целях. По несчастливому совпадению, именно в то время несколько евреев нашли тело трехлетнего мальчика по имени Симон, который утонул в реке. Предлога оказалось вполне достаточно. Всех членов общины – мужчин, женщин и детей – арестовали и безжалостно пытали, пока кто-то из них не признался в том, в чем его обвиняли. Тогда старейшин общины казнили, а остальных евреев выгнали из города. Конечно, младенца Симона в народе считали мучеником. Папский посланник, которому поручили расследовать обстоятельства дела, доложил, что обвинение основано на недоразумении и лжи; папа выпустил энциклику, в которой запрещал оказывать ребенку почести как мученику. И все же в конечном счете общественное мнение перевесило здравый смысл, и благословенный Симон Трентский вошел в официальный календарь католических святых, став одним из немногих случаев, когда чудовищный кровавый навет получил официальное признание.

Вскоре культ новомученика распространился и на территории Венеции. На улицах раздавали листовки с его историей и рассказами о чудесах, которые происходят на его могиле. Нарисовали его портрет и публично выставляли повсюду. Во всех церквах читали проповеди о недавних чудесах. Естественно, такие истории подогревали страсти. Евреям стало опасно

выходить на улицы. Однако центральная власть не одобряла и не терпела беспорядков. В резком письме к подесте Падуанскому, когда общественное мнение достигло своего пика, дож приказал всемерно охранять евреев. Отдельно (в апреле 1475 года) он запрещал подстрекательские проповеди. Хотя немного позже проповедникам все-таки разрешили включать в тексты проповедей имя новомученика, через несколько недель возобновили прежний запрет на его упоминание.

Погасить пламя оказалось не так легко. За делом Симона Трентского последовала целая волна подобных клеветнических обвинений. В окрестностях Тревизо, в то время подчиненного Венеции, находится деревушка под названием Портобуффоле, где в то время проживала небольшая еврейская община. В Страстную неделю 1480 года нескольких живших там и неподалеку евреев-домовладельцев обвинили в том, что они похитили в Тревизо христианского ребенка, чтобы использовать его кровь для приготовления пасхальной мацы. Обвиняемых арестовали и доставили в Венецию, где, по обычаю того времени, подвергли пытке. Трое из них – Сервадио, или Обадия, Мозес бен Давид из Тревизо и Якоб бен Симон из Кёльна, – доведенные пытками до отчаяния, признались в том, чего от них добивались. Результат стал неизбежным. Их привязали к деревянным плетням и протащили от площади Сан-Марко к Санта-Кроче, где сожгли. По словам очевидца, записавшего свои впечатления об ужасном зрелище, старейший из казненных призывал остальных молиться и вселял в них силы, способные помочь им перенести мучения. Выжившим (за исключением одного, который спасся тем, что вовремя крестился) после отбытия долгого тюремного заключения навсегда запретили проживать на территории Венеции. Община наняла шестерых адвокатов из университета Падуи, которые за очень значительный гонорар в 800 цехинов защищали обвиняемых. Поскольку адвокатам запретили наживаться на защите неправедных, свой гонорар они вынуждены были пожертвовать церкви Святого Антония.

Пять лет спустя кровавый навет повторился в окрестностях Виченцы, где, по слухам, некие евреи из Бассано замучили ребенка по имени Лоренцо Соссио из Валровины. Подробности туманны и противоречивы; более того, никому не предъявили конкретного обвинения. Тем не менее дело сочли доказанным. Общественное мнение причислило ребенка к лику блаженных; на протяжении нескольких веков на его могиле возносили молитвы. Вследствие этого обвинения евреев в 1485 году изгнали из Виченцы. Еще долгое время после того в обществе царили подозрения и ненависть. В 1506 году местные жители увидели, как грубоватый с виду венгерский еврей нес по улицам Венеции плачущего ребенка, который заблудился. Он уверял, что ищет родителей ребенка, но толпа заподозрила худшее и до смерти забила еврея камнями.

В год открытия Америки Колумбом, глубоко повлиявший на судьбы человечества, отношение к евреям во всем мире изменилось. Старинные общины, которые жили в Испании, наверное, со времен второго Храма, отправили в изгнание. Беженцы стали привычными фигурами в каждом итальянском и левантийском порту. Венецианские судовладельцы собирали богатую жатву, перевозя несчастных, иногда в ужасных условиях. Общины, жившие на подвластных Венеции островах, Кандии и Корфу, оказывали помощь беднякам, которые высаживались на их берегах. История повторилась несколько лет спустя, после того, как евреев изгнали из Португалии. Правда, в том случае подавляющее большинство португальских евреев для виду перешло в христианство и осталось в стране.

В то время изгнать беженцев из Венеции стало уже невозможно; скорее всего, многие из них поселились там навсегда. Иуда Хайят, раввин из Малаги, который прибыл в Венецию по пути в Феррару после невероятной одиссеи, полной страданий, через год или два после общего изгнания с благодарностью вспоминал доброту богатых испанцев, которых он встретил по прибытии.

Самыми видными среди беженцев были, несомненно, представители семьи Абрабанель. Во главе ее стоял дон Исаак Абрабанель, философ, ученый, финансист и государственный дея-

тель, в котором как будто сосредоточились и возродились самые славные традиции испанского еврейства. Его жизнь проходила в постоянных странствиях и лишениях. На каждом новом месте он надеялся, наконец, получить досуг для занятий литературным творчеством, но его неизменно призывали на государственную службу. Всем требовались его опыт и советы. Он оказывал требуемую помощь, а спустя какое-то время ему снова приходилось брать дорожный посох и отправляться в путь. Однажды, еще в ранней молодости, он бросил все свое имущество в Лиссабоне и бежал, спасая жизнь, через границу, а вооруженные люди, посланные его арестовать, гнались за ним по пятам. После изгнания из Испании, которого безрезультатно пытался избежать, он поселился в Неаполе, где вскоре после прибытия поступил на службу при королевском дворе. После вторжения французов он последовал за королем в Мессину, а позже уехал на остров Корфу, тогда подвластный Венеции. Когда на материке восстановился мир, он вернулся в Монополи, но в конце концов обосновался в Венеции. Оттуда, несмотря на почтенный возраст, его снова призвали на службу к королю Португалии, страны, в которой он родился. Благодаря его дипломатическому такту и искусству в ведении переговоров Португалии удалось заключить с Венецией договор о контроле над торговлей специями. Именно в Венеции умер этот последний великий средневековый еврей, хотя похоронили его в Падуе. Его семья, возглавляемая сыном-врачом доном Иосифом, еще некоторое время проживала в городе.

Так, несмотря на официальную политику нетерпимости, в Венеции постепенно складывалось ядро еврейской общины. В нее входили купцы с Корфу, из Леванта и других мест; врачи, которые пользовались высочайшим покровительством, – им официально разрешалось оставаться в городе, невзирая на изгнание их единоверцев; беженцы без гроша в кармане из Испании и Португалии, так сказать, обломки кораблекрушения, жертвы недавнего изгнания; банкиры с материка, которые посещали аукционы по продаже невыкупленных залогов и, скорее всего, украдкой оставались в городе дольше разрешенных по закону пятнадцати дней. Сейчас обнаруживается все больше документов, связанных с евреями, посещавшими Венецию, с написанными там древнееврейскими рукописями или учеными-талмудистами, жившими в городе. Начиная с XIV века венецианскую изысканность оценили и немецкие евреи. Представитель семьи Луццатто, который вел дневник в начале XVII века, сообщает, что его предки свыше двух столетий жили под защитой льва святого Марка. Роль и значение еврейской общины в тот период подтверждается правительственными указами, имевшими отношение к евреям. Им неоднократно предписывалось носить особые метки, которые отличали бы их от остального населения; запрещалось вступать в близкие отношения с христианками; запрещалось заниматься определенными профессиями. Во времена опасности правительство их защищало. Во времена покоя оно их ограничивало. Основы для расселения евреев в Венеции уже были заложены, однако официальное признание они получили благодаря внешним событиям.

Глава 2

Три нации

В 1508 году император Священной Римской империи Максимилиан I, этот странствующий рыцарь без гроша в кармане, заключил пиратский союз с папой римским, Францией, Испанией и большинством государств на территории Италии. Союз получил название Камбрейской лиги. Лига создавалась с похвальной целью захвата и раздела венецианских владений. 14 мая 1509 года вооруженные силы Светлейшей республики потерпели сокрушительное поражение при Аньяделло; перед завоевателями открылась вся территория республики. Силы лиги наступали на столицу. Как обычно во времена беспорядков, евреи страдали больше остальных: на них первых нападали захватчики, защитники подозревали их в пособничестве врагу... Им мстили все, кто в конечном счете оказывался победителем. В Тревизо народ грабил дома евреев, за исключением некоего Калимано, который пользовался необычной популярностью. Впоследствии всех евреев выгнали не только из Тревизо, но и из Вероны, где разворачивались такие же события. В Бассано, Кастельфранко, Азоло и Читаделле властям пришлось вмешаться, чтобы защитить евреев. Из Падуи при приближении сил противника бежали все, кто могли, несмотря на трудности со средствами сообщения и перевозки. Местре, расположенный у самых ворот Венеции, ограбили и сожгли до основания; залогов, которые находились в ссудных банках, тут же увезли на корабле.

Еврейское население, проживавшее во всех указанных местах, искало убежища в Венеции. Такое право было гарантировано им в экстренных случаях договором, подтвержденным всего за несколько месяцев до войны. Именно сюда Илия Капсали, критский историк, который тогда учился в Падуе, сопровождал своих родственников и уважаемого учителя, Иссерлейна, невзирая на то, что стоимость найма лодки за несколько дней выросла с 10 *тикколи* до 20 дукатов. Непомерно богатый Хайим Мешуллам, он же Вита дель Банко, процветающий падуанский банкир-филантроп, с неуместной пышностью поселился во дворце Каса Бернардо, который прежде долго пустовал из-за огромной арендной платы. Впоследствии ему пришлось пожалеть о своем поступке. В трех приходах, Святого Канчиано, Святого Агостино и Святого Иеремии, за короткий период нашли приют пять с лишним тысяч беженцев. Туда же они переводили с материка свои лицензированные банки, деятельность которых, в силу всеобщих стесненных обстоятельств, становилась все более востребованной. Количество беженцев росло с каждым днем. Однажды им удалось выкупить в самом центре города, в квартале Мерсерия, еврейского военнопленного из Кастельфранко, которого тюремщики волокли по улице. Когда наступил еврейский Новый год, евреям официально разрешили провести богослужение и сопровождающие праздник церемонии, в чем им в Венеции отказывали все предшествующее столетие. Поэтому возникли несколько импровизированных молельных домов.

Некоторое время правительство было поглощено войной. 3 июня 1509 года Падуя без единого выстрела открыла ворота для имперских сил. Через десять дней туда прибыл представитель императора Священной Римской империи, чтобы принять бразды правления захваченным городом. Оставшиеся в городе евреи решили, по примеру остальных обитателей, приветствовать его подарком, чтобы завоевать расположение. Ученый раввин Авраам Минц (который всего за месяц или два до того сменил своего отца на посту главы знаменитой талмудической академии) поднес ему громадную серебряную чашу великолепной работы. «Что толку от чаши без кувшина?» – буркнул грубый солдафон, демонстрируя таким образом свою благодарность. Раввин, не теряя присутствия духа, объяснил, что кувшин еще находится у ювелира, но будет готов через несколько дней. В конечном счете подарок повлек за собой суровые последствия для евреев. Когда венецианские власти об этом узнали, Вита Мешуллам и Нафтали (Герц)

Вертхайм, самые видные среди беженцев, были арестованы по обвинению в пособничестве врагу. Их освободили после длительного тюремного заточения; но последний из-за перенесенных страданий вскоре умер. Самому Аврааму Минцу за соучастие в преступлении навсегда запретили въезд на территорию Венеции. Тем не менее в первое время подарок достиг цели.

Из-за притока беженцев столица оказалась перенаселена; даже питьевой воды не хватало на всех. Пытаясь исправить положение, сенат приказал евреям из Падуи и Местре вернуться домой, хотя дым от развалин последнего был хорошо виден с противоположного берега лагуны. Наступления на столицу ожидали с часу на час, и беженцы рады были возможности уйти. Однако начальник таможни, словно обладавший даром предвидения, отказывал многим просителям в необходимом разрешении покинуть город. Его запрет оказался для многих настоящей удачей – правда, в то время мало кто это понимал. К тому времени сенат оправился от панических настроений и решил организовать контратаку. Послали войска для отвоевания Падуи; за войском последовали несколько тысяч солдат нерегулярной армии, которых в Арсенале снабдили импровизированным оружием и отправили в арьергард. Среди этих нерегулярных солдат было много молодых евреев, к чьему желанию служить в тот момент отнеслись без всякого презрения. Прибыв на место, нерегулярные войска успели поучаствовать в разграблении города, которое продолжалось несколько дней. Конечно, больше других пострадали падуанские евреи, а их единоверцы в числе нападавших никак не облегчали их участь. Банки Герца Вертхайма и Виты Мешуллама разграбили дотла, их владельцы понесли громадные убытки. Разумеется, они оказались не единственными пострадавшими. Несколько членов еврейской общины убили; многих взяли в плен в надежде на выкуп. Среди последних оказался пожилой Менахем дель Медиго, дядя Илии Капсали. Даже после того, как родственники заплатили требуемый выкуп, его снова взяли в плен и обращались с ним варварски плохо. Убытки Падуи, значительную часть которых понесли евреи, составили почти 150 тысяч дукатов. Вита Мешуллам и другие беженцы в Венеции настоятельно просили у властей вернуть им имущество и наказать грабителей. Совет десяти даже послал на материк указ, согласно которому надлежало возвращать всех, кто нес с собой ценности. Награбленное предполагалось вернуть владельцам. Впрочем, этим распоряжениям почти никто не подчинялся. Тем временем евреев, как обычно, обложили непомерным военным налогом. От жителей столицы и *terra ferma* – материковых владений Венеции – потребовали 10 тысяч дукатов; жители Леванта обязаны были внести 4 тысячи дукатов (причем половина этой суммы поступила из Кандии).

Пока продолжалась война на материке, Местре оставался в руинах. Венеция по-прежнему была переполнена беженцами. После того как непосредственная опасность миновала, венецианцы начали сознавать: несмотря на их долгие попытки не пускать в город неверных, среди них теперь без ограничений проживает значительное еврейское население. Проповедники стали привлекать к этому факту внимание паствы. В апреле 1511 года фра Руфин Ловато прочел на площади Кампо-Сан-Пауло зажигательную проповедь, направленную против евреев. Он призывал своих слушателей грабить еврейские дома. Несчастные беженцы сгрудились вместе в ожидании нападения; и главы общины отправились к Совету десяти и пожаловались на угрозы. Руфина, как и остальных проповедников-подстрекателей, предупредили; однако его непреклонность оказала некоторое влияние на правительство.

Призыв подхватили *Avogadori di Comun*⁷, подстрекаемые съером Зуаном Тревизаном. По их наущению 8 апреля на Риальто провозгласили: все еврейские беженцы обязаны в течение месяца покинуть Венецию. До отъезда им предписывалось сидеть по домам; на улицу разрешалось выходить лишь на несколько часов каждый день. Исключение делалось лишь для одного или двух представителей от каждого прихода. Они могли находиться в городе и выполнять поручения остальных. Когда объявленный месяц истек, в городе позволили остаться лишь

⁷ Букв. «государственные прокуроры» (*ит.*).

получившим лицензию банкирам и другим лицам, обладавшим особыми привилегиями. Вместе с тем власти недвусмысленно дали понять, что евреи находятся под защитой государства. Преследовать их строго воспрещалось.

Приказ был аннулирован благодаря счастливому стечению обстоятельств. Менее чем через две недели Совет десяти приговорил некоего священника к смерти за убийство. Avogadori di Comun, поддержавшие антиеврейские меры, вопреки закону попытались воспрепятствовать приведению приговора в исполнение. Совет десяти пришел в ярость. В тот же день, кооптировав еще семерых судей, Совет десяти известил Avogadori, что они больше не достойны занимаемой должности и уволены со своих постов. Им повезло, что они избежали судебного преследования, но на следующие два года их лишили права голоса в Совете. Таким образом, их влияние было сведено на нет. Их преемники, судя по всему, отнеслись к евреям более сочувственно. Во всяком случае, они не спешили вводить в действие указ, принятый их предшественниками. Многим беженцам в самом деле некуда было идти; в одних случаях их родные города на материке оказались для них недоступны, а в других – их дома лежали в развалинах. Во всяком случае, об изгнании больше не заговаривали, и евреи по-прежнему жили в Венеции.

Самым известным евреем в городе в то время был некий Ансельмо дель Банко (или, как его называли в еврейских кругах, раввин Ашер Мешуллам, брат Хайима Мешуллама из Падуи). Он славился своим богатством, либерализмом и слыл знатоком древнееврейской литературы⁸. Именно его можно считать основателем еврейской общины в Венеции. Во всех недавних событиях он выступал в качестве выразителя мнений своих единоверцев. Банк, которым он руководил, предположительно переведенный из Местре, был самым крупным в городе. Он вел дела в Портобуф-фоле, Монтаньяне, Крема и других местах на всей территории Венецианской республики. Благодаря масштабу проводимых им операций его имя то и дело встречается в записях того времени. Его сын Якоб, который торговал драгоценными камнями, был частым гостем в домах патрициев и постоянно попадал в неприятности по тому или иному поводу. Судя по всему, еврей-банкиры представляли для властей совершенно неисчерпаемый источник богатства; во время войны к ним то и дело обращались за займами и налогами. Вот в чем заключался секрет терпимости властей. В 1503–1516 годах еврейские банкиры вынуждены были предоставить правительству по меньшей мере 60 тысяч дукатов, не считая ежегодного налога, составлявшего 10 тысяч дукатов. Помимо того они платили обычные налоги, сборы и таможенные пошлины. Всего за тот короткий промежуток времени они выплатили государству не менее четверти миллиона дукатов.

Конечно, евреи не всегда безропотно подчинялись предъявляемым требованиям. В мае 1512 года власти потребовали у них огромную сумму в 10 тысяч дукатов, и они наотрез отказались платить. Семерых представителей общины, в том числе Ансельмо дель Банко, посадили в тюрьму до ноября следующего года в надежде склонить их к благоразумию. Как обычно, победила грубая сила, и евреи дали то, что от них требовали. Однако вскоре после освобождения Ансельмо и его коллега Авраам распорядились публично объявить от своего имени на Риальто, что они предлагают своим соплеменникам прекратить все дела из-за непомерных выплат, к которым их принуждают. Возможно, они не собирались всерьез осуществлять свою угрозу, и все же она напомнила властям о неизбежном исходе политики вымогательства. Судя по всему, угроза отчасти возымела действие, поскольку требования, предъявляемые к евреям, немного ослабели. Кроме того, в 1515 году из-за насущных финансовых потребностей государства евреи получили возможность расширить сферу своей деятельности. Против того, чтобы они торговали новыми товарами, выступали не только местные купцы, но и ремесленники;

⁸ Среди прочих заслуг Ансельмо дель Банко можно отметить, что он был одним из предков семьи Варбург из Гамбурга, Лондона и Нью-Йорка.

они воспринимали это как посягательство на прерогативы христиан. Однако в обмен на заем в размере 5 тысяч дукатов евреям официально разрешили открыть девять лавок для торговли подержанными вещами. Разрешение выдавалось сроком на три года. В следующем году, после выплаты 100 дукатов и займа в размере еще 400 дукатов, им разрешили открыть еще одну, десятую лавку. Все они располагались в торговом центре города, на мосту Риальто.

В течение того периода антиеврейские настроения нарастали. Говорили, что евреи проникали в город под ложными предложениями, что официально их никогда не допускали в Венецию и что они не имеют права там оставаться после того, как непосредственная угроза на материке миновала. Вопреки законам Венецианской республики, они даже учреждали в городе синагоги, где регулярно проводились публичные богослужения. Проповедники со своих кафедр обвиняли евреев в невзгодах государства и постоянных военных тяготах.

На Пасхальной неделе евреев видели по всему городу, особенно в приходах Святого Касциано, Святого Агостино, Святого Павла и Святой Марии, тогда как раньше в дни главных христианских праздников они не осмеливались появляться в Венеции. Некоторые евреи-врачи постепенно забирали в свои руки медицинскую практику и привлекали к себе много внимания. В 1515 году на пасхальном богослужении фра Джованни Мария д'Ареццо произнес проповедь, направленную против евреев. Он призывал конфисковать все их имущество. Власти, со своей стороны, понимали, что евреи пригодятся государству в случае войны. Однако все больше представителей власти считали, что евреев нужно по крайней мере отделить от остального населения. Такие предложения поступали уже не раз, но их пока не воплощали в жизнь.

Начало было положено 22 апреля 1515 года, после выступления Цорци Эмо на собрании Pregadi⁹. Цорци Эмо предложил переселить всех евреев на Джудекку – остров, где, по слухам, уже несколько веков назад обосновались еврейские купцы, выходцы из Леванта. Ансельмо дель Банко и другие банкиры немедленно отправились к Savi и от лица своих единомышленников высказались против такого предложения. По их словам, жить на Джудекке, где стоят казармы для войск наемников, слишком опасно; и, если уж необходимо куда-то переселяться, евреи предпочитают жить на Мурано. То был ловкий ход, поскольку остров Мурано тогда считался садом Венеции и славился не только производством стекла, но и роскошными виллами, которые строились там для патрициев в большом количестве. На время предложение отложили.

Однако на следующий год – как обычно в Пасхальную неделю – вопрос возник снова. На заседании Коллегии, которое проводили 20 марта, Закария Дольфин, один из Savi, высказал недовольство существующим положением евреев в городе. Он предложил изолировать их от христиан. Для переселения он предложил квартал в приходе Святого Джироламо на севере города, где располагалась Новая литейная мастерская (Ghetto Nuovo). Квартал представлял собой остров, со всех сторон окруженный каналами. Он напоминал крепость. Если обнести остров стеной, построить подъемные мосты и по ночам патрулировать его на лодках – естественно, за счет самих евреев, – место идеально подошло бы для такой цели. Дож и отдельные члены Совета встретили предложение с энтузиазмом. Владельцы домов в отведенном евреям месте также были не против, хотя жильцы не выражали особого желания куда-то переезжать. Послали за Ансельмо дель Банко и другими известными представителями еврейской общины. Их проинформировали о намерениях властей. Они резко возражали против такого предложения, утверждая, что жить в том квартале опасно. В настоящее время они могут рассчитывать

⁹ То есть сената. Pregadi приглашались туда для консультации. Власть сената была главным образом избирательной и законодательной. Исполнительная же власть находилась в руках более малочисленной группы, которая и представляла те или иные меры на рассмотрение Pregadi. Эта малочисленная группа носила название Коллегии (Collegio). В нее входили дож и несколько важных сановников, в том числе шесть Savi Grandi, которые соответствовали государственным министрам, и пять Savi da Mar, представлявших собой практически Совет Адмиралтейства. Однако в экстренных случаях власть переходила к печально известному Совету десяти. Номинально верховная власть находилась в руках представителей аристократии, составлявших Большой совет (Maggior Consiglio).

на благородство христиан, среди которых проживают, а также на охранников Риальто, способных их защитить в случае необходимости. На новом месте они окажутся в полной изоляции, а в случае опасности никто не уберезет их от погромов. Более того, совсем недавно Совет обещал, что в нынешнем к ним отношении не будет никаких перемен. Поверив этому обещанию, strazzaiuoli (получившие официальное разрешение старьевщики) потратили крупные суммы на обустройство своих лавок на Риальто, и теперь им придется начинать все с нуля. Многие евреи скорее покинут Венецию, чем подчинятся новому приказу, что выльется в большие убытки для государственной казны. Пострадает и сам Ансельмо: он выступал гарантом своим единоверцам, которые должны были выплатить некоторые суммы в виде налогов. Делегаты считали, что единственное приемлемое решение заключается в том, чтобы подождать, пока вернутся венецианские территории на материке. Тогда беженцы смогут вернуться в свои дома – за исключением Местре, еще лежащего в развалинах.

После ухода еврейской депутации вопрос стали обсуждать снова. Общее мнение не изменилось. Дольфин, автор замысла, проявил больше пыла, чем раньше; он предложил представить вопрос на сенате как можно скорее, чтобы сенат принял определенное решение. 29 марта предложение Дольфина и Франческо Брагадина представили сенаторам. На первом слушании законопроект приняли 113 голосами против 48 и одним воздержавшемся, а на финальном слушании его приняли 130 голосами против 44 при 8 воздержавшихся. Таким образом, проект обрел силу закона. 1 апреля о нововведении публично объявили на Риальто и на других городских мостах, особенно в тех кварталах, где проживали евреи. Закон вступал в силу всего через десять дней. Когда, сразу после того, члены Синьории посетили службу в соборе Святого Марка, священник публично поздравил их с мудрым и поистине религиозным решением.

Даже тогда евреи не сдавались. 5 апреля Ансельмо снова подал властям жалобу. Он настаивал, что власти не имеют права нарушать данное strazzaiuoli обещание. Кроме того, отведенное евреям место явно мало для того количества людей, которым придется там жить. По его подсчетам, в новый квартал предстояло переселиться семи сотням людей. Многим придется покинуть город; и главным потерпевшим, вынужденным исполнять взятые на себя обязательства, в том числе перед государством, будет он сам. После его жалобы три члена Коллегии отправились в гетто, а после визита составили отчет. Должно быть, они сочли место вполне удовлетворительным. Во всяком случае, ничего не изменилось; тем, кому не нашлось места, пришлось эмигрировать. Так поступили многие. Поэтому 10 апреля 1516 года, по совпадению на следующий день после праздника Пятидесятницы, венецианским евреям, мужчинам, женщинам и детям, пришлось перебираться на новое отведенное им место жительства. Так было основано первое гетто. Слово стало нарицательным и примером для всех прочих гетто, позоривших Италию почти до наших дней.

Мысль об изолированном проживании евреев в отдельном квартале не была новой. Во все века антипатия не-евреев и еврейская солидарность выливались в такое явление. Сегрегация началась задолго до того, как она была предписана законом, и продолжалась после того, как свобода выбора места жительства стала всеобщей. Официальной отправной точкой для создания гетто в христианском мире послужил Третий Латеранский собор 1179 года, на котором евреям и христианам запретили проживать вместе. Однако церковное постановление соблюдалось весьма условно. Во многих местах евреи по-прежнему расселялись по всему городу, а христиане без всяких угрызений совести жили среди евреев. Места, где существовал официальный еврейский квартал, предписанный законом и отрезанный от остального города, были в меньшинстве. Меньше всего церковным законам повиновались в Италии, под боком у пап, которые смотрели на такое нарушение сквозь пальцы. На деле папы оказывались куда более терпимыми, чем на словах. Венеция же выделялась особым религиозным рвением. В договоре с евреями за 1385 год указывалось: необходимо найти такое место, где евреи могли бы жить отдельно от христианского населения. Данное условие повторили и в 1390 году. Однако, судя

по всему, ничего не делалось для того, чтобы данное условие выполнялось, и евреи по-прежнему жили по всему городу. В то время особенно много их проживало в приходах Святого Сильвестра и Святого Агостино.

Квартал, отведенный им для проживания, располагался в болотистой местности с нездоровым климатом, на окраине города, наиболее удаленной от площади Сан-Марко. Здесь за много лет до переселения евреев построили литейный цех (*geto*, или *ghetto*), о чем свидетельствовало каменное ядро за воротами¹⁰. Видимо, в более поздний период его расширили; в квартале появились новые постройки, *Corte delle Calli*, которое называли еще *Ghetto Nuovo*, или Новым гетто. Именно там, на пространстве в форме большой площади, отныне отвели место для проживания евреев.

Прежде чем новый квартал стал готов для обитания, необходимо было произвести некоторые перемены. Новое гетто располагалось на острове, полностью отрезанном от остального города каналами. Вокруг него следовало возвести высокие стены, чтобы воспрепятствовать всякому недозволенному входу и выходу. С той же целью все окна, выходящие наружу, приказали заложить кирпичом. В стене необходимо было прорубить двое ворот. Одни выходили к мосту, откуда имелся доступ к так называемому Старому гетто (*Ghetto Vecchio*), тогда еще христианскому кварталу, а вторые ворота находились на противоположной стороне и выходили к церкви Святого Джироламо. Эти ворота должны были охраняться четырьмя часовыми-христианами, которые содержались за счет еврейской общины. Им в обязанности вменялось следить, чтобы ворота запирались по ночам, и не давать никому входить или выходить в неразрешенные часы. Кроме того, необходимо было обзавестись двумя лодками, каждой из которых управляла команда из трех человек и одного стражника. Лодки должны были с такой же целью патрулировать соседние каналы. Начиная с 1423 года евреям запрещалось владеть недвижимостью в Венеции. Поэтому они не имели права покупать дома, в которых вынуждены были жить. Община вынуждена была арендовать всю недвижимость в новом квартале. Их отношения с домовладельцами можно назвать своего рода пожизненной арендой. Правда, платить приходилось на треть больше, чем предыдущим жильцам-христианам. Нет ничего удивительного в том, что домовладельцы с воодушевлением отнеслись к новым предложениям.

Впоследствии власти какое-то время были заняты урегулированием более мелких вопросов, связанных с переселением. Евреи представили петицию, в которой просили, чтобы им позволили оставлять в центре города одного или двух сторожей, которые по ночам охраняли бы банки и лавки на Риальто. В просьбе им было отказано; власти посоветовали с этой целью нанимать сторожей-христиан. Были отданы распоряжения о назначении четырех привратников и шестерых человек в экипажи двух патрульных лодок. Поскольку сегрегация представляла много неудобств для врачей-евреев, им официально позволили оставаться по ночам за пределами гетто в экстренных случаях или для консультаций с коллегами при достаточно веских основаниях. В гетто соорудили выгребную яму; прежние обитатели этой проблемой не озаботились. В конце 1516 года евреи согласились предоставить правительству заем на сумму 10 тысяч дукатов для отвоевания Вероны, где у них имелись важные деловые интересы. В обмен на это они вытребовали некоторые уступки. Количество привратников сократили из экономии с четырех до двух; ввели некоторые структурные улучшения; а ворота гетто разрешили по

¹⁰ Этимология слова «гетто» остается неясной. Его выводили то из древнееврейского «документа о разводе», то от сирийского слова, означавшего «община», то от греческого «соседство», то от тосканского слова *Guitto* («грязный»), то от немецкого *Geheckte Orte* («огороженное место») через латинское *Gehectus*, итальянское уменьшительное *Borghetto* («городок»), не говоря уже о ряде более фантастических предположений. Однако решение задачи, вне всяких сомнений, связано с тем, что евреи населяли *Ghetto Nuovo* задолго до *Ghetto Vecchio*. Поэтому очевидно, что происхождение слова никак не связано с еврейскими корнями; его истоки следует искать в венецианской истории. Название венецианского литейного цеха, расположенного в той местности, фигурирует в письменных источниках уже в 1306 году. Из Венеции термин распространился по всей Италии, где слово «гетто» стало официальным синонимом еврейского квартала. За пределами Италии употребление термина для любого места, где собираются евреи, является по большей части метафорическим.

вечерам оставлять открытыми немного дольше. Позже, в обмен на дальнейшую финансовую помощь, прекратили дорогое и бесполезное патрулирование гетто на лодках.

Тем временем, после заключения Нойонского договора (декабрь 1516 года), на материке воцарился мир. Тем самым устранялся изначальный предлог, по которому евреи поселились в Венеции. Общественное мнение, никогда не относившееся к евреям благоприятно, все более накалялось по отношению к этим незванным гостям. Весной 1518 года к ним привлекли внимание красноречивые проповеди, которые произносил в соборе Святого Марка испанский веротступник по имени Джеронимо. На следующий год во время Великого поста фра Джованни из Флоренции подверг евреев безжалостным нападкам на проповедях во Фрари, знаменитой францисканской церкви. Фра Джованни утверждал, что с евреями обходятся слишком мягко и что с ними надлежит обходиться суровее. Евреи предприняли попытку купить его молчание подарками, но их опрометчивый поступок лишь подлил масла в огонь. Тем временем истек срок предыдущего трехлетнего договора. Savi предложили продлить его на прежних же условиях, но вначале заплатить дань в размере 8 тысяч дукатов. Однако в привилегии держать *straz-zagìa* евреям отказали. По последнему вопросу велись долгие и взволнованные дебаты. Несколько человек считали, что новый запрет, ограничивающий конкуренцию, противоречит государственным интересам, не говоря уже о том, что при сохранении *strazzaria* казна пополнялась бы значительными суммами. Однако большинство неблагосклонно отнеслось ко всему предложению. На материке восстановился мир, и больше не было причин и дальше терпеть присутствие евреев в городе. Те немногие, кто все же склонны были согласиться на предложения, настаивали на более суровых условиях. Один оратор за другим приводили в пример Испанию и Португалию, которые изгнали евреев и были за то благословенны небесами. В целом власти склонялись к тому, чтобы выслать евреев в Местре, где те проживали до войны, и увеличить размер подати. Тщетно 68-летний представитель правительства Антонио Гримани напоминал, что евреи нужны городским беднякам, ведь *Monte di Pieta* (государственного ломбарда), способного удовлетворить их нужды, еще не было. Ни один член Совета не поддержал подобную точку зрения из страха, что его заподозрят в коррупции. Летописец Марино Сануто, и сам не слишком благосклонно относившийся к евреям, пришел в ярость, хотя никак не мог выразить свое негодование публично. Он был убежден, что почти все призывы изгнать евреев лицемерны, так как исходят от лиц, которые, после устранения конкурентов, и сами охотно ссужали бы деньги на Риальто под 40 или даже 50 процентов! Венецианская торговля практически замерла, число нищих зашкаливало. Изгнание евреев лишь ухудшило бы положение. Начиная с июня 1519 года вопрос время от времени обсуждался весьма ожесточенно, но ни одно предложение не набирало подавляющего большинства голосов. Тем временем подошел к концу срок действия очередного договора, и еврейские банкиры начали готовиться к прекращению своей деятельности. Наконец, 15 марта, сенату представили предварительные расчеты по строительству Арсенала. Время не ждало, и для покрытия расходов требовался новый, необычайно суровый налог. Сенаторы в ужасе переглядывались; такой удар по карманам нельзя было назвать популярной мерой. Новый налог стал для них неприятным сюрпризом. Наконец кого-то осенило. Пусть евреям позволят остаться на пять лет, на тех же условиях, что и в прошлом, а ежегодную подать в размере 10 тысяч дукатов, полученную от них, можно направить на постройку Арсенала. Тогда необходимость в новом налоге отпадет. Предложение встретили дружной поддержкой. Всех противников заглушили. Предложение прошло подавляющим большинством голосов.

Ансельмо дель Банко и его помощникам немедленно сообщили о новых условиях, на которых они могут продолжать свою деятельность в городе. Условия казались тяжелыми. Они сказали, что требуемая сумма непомерна, и попросили дать им время, чтобы посоветоваться со своими компаньонами на материке. Им сказали, что это невозможно и они должны немедленно дать ответ. Вскоре ответ был получен. «Когда воля сталкивается с силой, – метко заме-

тил Ансельмо, – сила торжествует». 2 мая выплатили первую часть подати в размере 4 тысяч дукатов, и евреи возобновили свою деятельность как в банках, так и в *strazzarie*. Отношение к ним в городе заметно изменилось. Когда некий странствующий монах, до того произносивший антисемитские проповеди в Падуе, пришел в Венецию, его тут же предупредили, чтобы он не смел сеять религиозную рознь. В сенате криками заглушили оратора, который начал высказываться против евреев.

И все же положение евреев в Венеции оставалось непрочным. Было очевидно, что их терпят только из-за пользы для казны. У них по-прежнему беспрерывно требовали развязать кошельки, невзирая на все возражения; и только в обмен на удовлетворение требований правительства евреи могли добиться небольших уступок для себя. В 1525 году очередной договор продлили без особого труда.

Однако враги евреев только ждали подходящего случая. 18 марта 1527 года рыцарь Габриэль Моро, входивший в *Savi a terra ferma*, произнес в сенате пламенную антиеврейскую речь и предложил навсегда выгнать евреев из города. Напрасно указывал Закария Тревизан, что такой поступок станет откровенным нарушением доверия. После трех голосований предложение прошло с минимальным перевесом; приняли соответствующий указ. По истечении последнего договора всем евреям надлежит вернуться в Местре. В Венеции отныне строго запрещалось ссужать деньги под проценты, как было с незапамятных времен; отдельные же лица, которым необходимо приезжать в город по делам, будут допускаться туда лишь на очень ограниченный период времени и на строго оговоренных условиях. Через несколько дней Моро попытался провести еще более решительное предложение, однако получил отказ. Довольно скоро все поняли, что такая политика запретов – грубая экономическая ошибка. В тот год дефицит ощущался во всем. Резко выросли цены на зерно; все находилось в стесненных обстоятельствах. Евреи, которых осаждали просьбами о займах, решительно отказывались вести дела, говоря, что их обязательства подошли к концу. Тем временем казна опустела, и единственным средством ее пополнить оставался принудительный заем. Наконец, в ноябре, после нескольких месяцев споров, евреи одержали верх. Указ об изгнании аннулировали, а им, в обмен на заем в 10 тысяч дукатов, предоставили некоторые незначительные льготы. В сентябре 1528 года заключили новый договор еще на четыре года. Однако непомерные требования не кончались. В марте 1532 года евреям предъявили ультиматум: либо они предоставляют государству еще 10 тысяч дукатов, либо им придется покинуть Венецию. Естественно, они возражали. Некий Консильо, сменивший во главе общины Ансельмо дель Банко (тот тяжело болел), отправился во дворец дожа, чтобы выразить мнение своих единоверцев. Дож пришел в ярость; он заявил, что помощь Светлейшей – привилегия и что евреям следовало самим обратиться к властям с предложением займа. «Ваша милость так поторопилась, что у нас не осталось для этого времени», – вежливо ответил Консильо. Услышав остроумный ответ, члены Коллегии разразились хохотом, и переговоры пошли более гладко. В конце концов стороны пришли к компромиссу. В сентябре следующего года очередной договор с евреями продлили примерно на тех же условиях, что и раньше. Следующие 40 лет присутствие евреев в городе никем не оспаривалось.

Евреи-поселенцы, для которых изначально устроили гетто, по большей части были родом из Германии; отсюда прибывали в Венецию – напрямую или через другие страны. Имена некоторых из них, которые нам встретились, служат сами по себе достаточным на то указанием. Их богослужения основаны на традициях и обычаях, принятых в Германии. В тот период в Венеции даже напечатали несколько трудов на немецком языке, набранных древнееврейскими буквами. Вплоть до упадка общины немецкие евреи преобладали численно, хотя уступали выходцам из других стран в богатстве и влиянии. Среди них, конечно, были и потомки тех, кто обосновался в Италии очень давно. Они следовали итальянским религиозным традициям. В конечном счете их оказалось достаточно много для того, чтобы организовать свою отдельную

конгрегацию и синагогу. Конечно, итальянская часть общины всегда очень остро ощущала конкуренцию с соперниками. Ее представителям пришлось принять специальные меры, чтобы добиться посещения гостей с материка, которые следовали тому же ритуалу. Впрочем, различия были незначительными; они касались повседневного религиозного обихода. С политической точки зрения «итальянских» евреев никак не выделяли. Поэтому, хотя в венецианском гетто и соблюдалось различие по месту происхождения, «итальянцев» по-прежнему включали в число выходцев из немецкой «нации».

В 1516 году в Новом гетто могли проживать лишь представители официальной еврейской общины, которые по условиям договора (*condotta*) обязаны были держать ссудные банки в интересах городских бедняков. Еврейские купцы из стран Леванта, которые поселились в Венеции на несколько веков раньше своих единоверцев, по-прежнему имели право проживать в любых кварталах города по своему желанию. Они были избавлены от налогового бремени, обязательного для «немцев». Подобное положение дел казалось совершенно нелогичным, ведь левантийские евреи представляли такую же или не меньшую угрозу для христианской веры, как их немецкие или итальянские братья. Однако они представляли слишком большую ценность для Венецианской республики, чтобы оправдывать их полное изгнание. Поэтому 2 июня 1541 года было решено, что левантинцев, подобно их единоверцам, также следует отделить от христиан. В Новом гетто места уже не осталось. Поэтому решено было поселить их в расположенном рядом Старом гетто. Убрали ворота, прежде разделявшие два квартала, и соорудили новый вход в увеличенный еврейский квартал. Новый вход появился возле Фондамента-делла-Пескариа, старого рыбного рынка. Он выходил на канал Каннареджо, где его можно видеть по сей день.

Хотя с тех пор две группы евреев жили вместе, они не ассимилировались друг с другом. И относились к ним по-разному; левантинцы пользовались гораздо большими привилегиями. Они подчинялись *Cinque Savi alla Mercanzia*, в то время как остальные подчинялись *Sopragconsoli*. Они сохраняли раздельное корпоративное существование. Они не были обязаны платить такие же высокие налоги и подати. При этом они не имели права на профессии, разрешенные их не столь удачливым братьям – ростовщичество и торговлю старыми вещами. Зато власти неоднократно подтверждали право левантинцев вести международную торговлю, к чему они и стремились. Максимальная продолжительность проживания в качестве гостей города для них составляла четыре месяца; впоследствии этот срок увеличили до двух лет. Какое-то время и власти, и представители еврейских общин, отвечавшие за аренду домов, буквально навязывали двум группам евреев раздельное проживание в двух кварталах. Так, в 1586 году, когда началась волна эмиграции из Нового гетто в левантийский квартал, вмешались главы немецкой общины и пригрозили переселенцам отлучением (*херемом*). Отголоски скандала дошли до раввина Мозеса Иссерлеса в далеком Кракове. Казалось, запреты не возымели особого действия, поскольку в 1609 году государственным властям пришлось вмешаться, чтобы заставить немецких евреев вернуться в их переполненный квартал. Однако в 1633 году, ввиду продолжающейся иммиграции, решено было добавить к гетто еще один небольшой участок на северо-востоке. Чтобы оправдать расширение территории, общине под угрозой штрафа в 2 тысячи дукатов пришлось поручиться, что в течение года в новый квартал переедут не менее 20 новых семей. Последний участок получил название Новейшего гетто.

Тем временем в гетто появилась новая группа, добавив красок в пеструю картину венецианской еврейской общины. В конце XV века, после изгнания евреев с Пиренейского полуострова, там оставалось много так называемых *марранов* – потомков насильственно крещенных евреев, носивших христианские имена и втайне сохранявших, полностью или частично, верность иудаизму. Инквизиция подвергала их жестоким преследованиям за тайную верность религии их отцов. Несмотря на бдительность властей, марраны при первой же удобной возможности бежали туда, где могли, не опасаясь преследований, вернуться к иудаизму. Вене-

ция издавна представляла для них особый интерес. Уже в 1497 году марраны обосновались там в таких количествах, что привлекли к себе внимание властей, и всех их без исключения изгнали. Позже инквизиция появилась и в Португалии, что вынудило многих марранов бежать оттуда. Часть беженцев неизбежно оседала в Венеции. Население республики относилось к ним с преувеличенной враждебностью. Подобно всем иммигрантам, они стремились селиться вместе; соседи считали, что они живут в антисанитарных условиях. Марраны, пусть только номинально, по-прежнему считались христианами, поэтому их нельзя было переселить в гетто. Впрочем, искренность их веры подвергалась вполне законным сомнениям. Считалось, что они представляют гораздо большую угрозу для убеждений местных жителей (которые обвиняли их в вероотступничестве и ереси), чем их более искренние братья. Кроме того, марранов часто несправедливо обвиняли в том, что они занимаются ростовщичеством и другими запрещенными для христиан профессиями. Довольно долго власти не могли решить, как с ними поступить. Вначале в городе позволили остаться общине численностью 300 человек – ввиду больших услуг, которые они могли оказать городу. Однако император Карл V, ревностный католик, исполненный безрассудного презрения к еретикам-беглецам из его владений, положил на чашу весов свое влияние. Поэтому указом сената от 8 июля 1550 года всем марранам в двухмесячный срок приказано было покинуть город. Венецианским гражданам отныне запрещалось вступать с ними в торговые отношения. Месяц спустя цензорам поручили сотрудничать с инквизицией и расследовать истинность веры иммигрантов из Испании и Португалии. Они решали, кого включить в состав марранов, а кого нет.

Последнее распоряжение свидетельствовало о трудностях, возникших с выявлением еретиков. Более того, примерно тогда же произошел эпизод, поощрявший уклонение от данных приказов. Жуану Мигесу, он же Иосиф Наси, позже герцогу Наксосскому, удалось добиться освобождения своей тетки, Грасии Мендес, арестованной в Венеции по подозрению в ереси. Такому шагу способствовали внутренняя и внешняя политика, а также экономические соображения. В середине XVI века крупнейшим центром иммиграции марранов стал город Феррара, который тогда находился под благосклонным правлением дома Эсте. Именно там возникли первые крупные общины марранов в Европе и началось книгопечатание испанской и португальской литературы на местных языках. Однако в 1580 году последовала реакция. Община была расколота; многих марранов посадили в тюрьму, а упорствующих отправили в Рим, где их ждала мученическая смерть. С тех пор место Феррары как крупнейшего приюта для беженцев-марранов заняла Венеция. Все больше марранов перебирались в Венецию, где возвращались к вере своих отцов. Власти, которые с годами научились терпимости, смотрели на расселение марранов сквозь пальцы при одном условии: что они откажутся от напускного христианства, переселятся в гетто и будут носить отличительную метку, как и прочие евреи. Пример подобного либерального отношения к марранам подавали многие папы римские эпохи Возрождения – до того, как католическая реакция повлияла на их взгляды. Впрочем, скорее всего, венецианские власти руководствовались не духовными, а экономическими соображениями. Если бы марранам не позволили остаться в Венеции, они двинулись бы дальше на Восток. Республика предпочла немного уступить, но не позволять этим потенциально ценным поселенцам увозить свои богатства и способности в Османскую империю и содействовать ее обогащению и процветанию.

В Венеции существовал трибунал инквизиции, который должен был следить за чистотой веры. Однако в подобных вопросах власти Светлейшей не склонны были слишком подчиняться папскому престолу. Инквизиции позволялось действовать в довольно ограниченных рамках. Так, ей позволялось лишь возвращать неверных к Богу или сажать еретиков в тюрьму. В начале XVII века, когда имела место знаменитая ссора между папским престолом и Венецианской республикой (в которой фра Паоло Сарпи, рискуя жизнью, энергично защищал превосходство светской власти), власть святой инквизиции в Венеции еще больше ограничили. Сам Сарпи,

однако, считал крещение самых первых христиан-марранов недействительным, так как оно происходило под угрозой или насильно; поэтому он сомневался в какой-либо власти инквизиции во всех подобных вопросах. Инквизиция становилась все менее могущественной и могла влиять лишь на тех, кто сохранял ложный покров христианства и таким образом представлял подлинную угрозу для истинной веры. Во второй половине XVI века местный трибунал взял реванш, подвергнув пыткам около 20 марранов, подозреваемых в том, что они тайно исповедуют иудаизм. В течение следующих 120 лет до трибунала доходила лишь половина подобных дел; в половине случаев обвинения не вели ни к каким преследованиям.

Тем временем черты марранов до некоторой степени изменились. Они уже не были несчастными беженцами без гроша в кармане, которые спасались от преследования инквизиции. Все чаще марраны пополняли ряды преуспевающих купцов, которые заняли прочное положение на Пиренеях и теперь желали перевести свои капиталы и свои предприятия в такое место, где они могли спокойно поклоняться богу своих отцов. Такие иммигранты, как они, способствовали процветанию любого государства; разумные правители охотно привлекали их в свои страны. В 1589 году, когда Даниэль Родригес, еврей с Пиренейского полуострова, пытался наладить торговлю Венецианской республики через новый вольный порт Спалато (Сплит) в Далмации, благодаря его вмешательству значительному числу испанских и португальских евреев-торговцев позволили поселиться в Венеции. Марранов селили в Старом гетто, вместе с левантийскими евреями; они пользовались теми же привилегиями и той же защитой, что и последние, и им так же запрещалось заниматься чем-либо другим, помимо оптовой торговли. Впоследствии их включили в периодически возобновляемый договор (*condotta*) с левантийскими евреями, с которыми их положение сливалось почти во всех отношениях. Так, помимо выходцев из Германии и Леванта, в гетто появилась третья «нация», представителей которой называли «понентине» или «западники».

«Понентине» не упустили предоставленные им возможности. Трибуналы инквизиции на Пиренеях и повсюду то и дело заслушивали доносы возмущенных католиков, недавно вернувшихся из Италии. «В гетто много португальских евреев в красных шляпах, которые в Португалии были христианскими священниками», – заявил один венецианский священнослужитель на местном трибунале; впрочем, его донос последствий не имел. «Португальцы» стали в гетто почти таким же обычным явлением, как и «итальянцы». На старинном кладбище на острове Лидо среди надгробных камней стали появляться аристократические гербы семей идалго, сопровождавшиеся пышными эпитафиями на испанском языке. Иногда тела привозили туда из самой Франции, чтобы похоронить их в еврейском окружении, пусть даже им не повезло жить среди единоверцев. В синагогах велись службы на португальском языке, а с печатных станков сходили книги на испанском и португальском для тех иммигрантов, которые не знали иврита. В Венецию стали приезжать выходцы из Испании и Португалии, которые до того проживали в других местах Италии как добрые католики. В Венеции они возвращались к иудаизму и селились в гетто. В этой связи стоит упомянуть ряд известных имен. Можно назвать Илию Монтальто, неустрашимого полемиста, впоследствии личного врача королевы Франции; Соломона Уске (он же Дуарте де Пинель), первого современного еврейского драматурга; Иммануэля Абоаба, который внес большой вклад в литературную жизнь Венеции. Его биография достойна целого романа: он начинал как христианин в Опорто и окончил свои дни в Иерусалиме, окруженный ореолом святости. Можно назвать и доктора Антонио Диаса Пинто, который вдруг оставил свой пост в тосканском Руоте, или церковном суде, и вернулся к иудаизму; Фернандо (Исаака) Кардозо, бывшего врача при дворе Филиппа IV; позже он переселился в Верону, где написал свой классический трактат «Достоинства евреев и клевета на них» (*Las excellencias y calunias de los Hebreos*); его влюбчивого брата Авраама (Мигеля), который рассорился с родными и стал мессианским пророком, хотя прежде служил личным врачом египетского паши; Родриго Мендеса да Силву, историографа при испанском королевском дворе, который очаро-

вывал современников своим стилем, поражал своим свободомыслием и обратился в иудаизм, разменяв восьмой десяток. Вот лишь немногие яркие фигуры из числа выдающихся деятелей, благодаря которым венецианские евреи постоянно соприкасались с самым романтическим течением во всей еврейской истории.

В течение долгого периода времени первенство среди марранов принадлежало венецианской португальской конгрегации, которая называлась «Талмуд Тора» («Изучение Закона»). Она оставила весьма значительный след в истории. В промежутке между прекращением книгопечатания на «народных» языках в Ферраре и началом такого книгопечатания в Амстердаме именно в Венеции появлялись переводы на испанский богослужений и других трудов. Переводы предназначались для тех, кто рос, не зная древнееврейского языка. Конгрегация рассылала духовных лидеров во все стороны света. Именно из Венеции Давид Нието отправился через Ливорно в Лондон, где возглавил незадолго до этого возникшую там еврейскую общину, а Саул Леви Мортейра и Исаак Пардо возглавили такие же общины в Амстердаме. Кстати, амстердамская община приняла за образец форму и правила венецианской «Талмуд Торы»; в свою очередь, лондонские евреи несколько лет спустя взяли за образец «родительскую» общину в Голландии. Так в конце концов структура марранской общины в Венеции повлияла на многие общины как Старого, так и Нового Света. Во внутренних делах «западники» вскоре получили верховенство над другими двумя группами. Хотя «немцы» превосходили их количеством, а «левантинцы» – ученостью, португальцы были в целом гораздо богаче, обладали гораздо большей общей культурой и оказывали самое большое влияние на внешний мир. В общем совете общины, куда входили те, кто мог платить минимальный налог, представительство «западников» без труда превзошло представительство двух других групп, вместе взятых. У «западников» была самая большая и самая красивая синагога; именно в ней проводили богослужения по особым случаям. Затем община «Понентине», самая молодая из всех, практически вобрала в себя две другие группы.

Прошло довольно много времени, прежде чем три «нации» слились в одну. Конечно, богослужения они всегда проводили раздельно. У каждой «нации» имелась своя синагога или синагоги, в которых богослужения велись в соответствии со своими традициями – немецкими, итальянскими, левантийскими или португальскими. К началу XVII века в гетто образовали некую совместную организацию для регулирования вопросов, представлявших общий интерес. За исключением таких вопросов органы управления оставались раздельными. И лишь через несколько лет «левантинцев» и «западников» вынудили разделять возмутительное бремя, которое до тех пор несли одни их немецкие братья. И только когда община начала приходить в упадок, различия между тремя группами полностью упразднили и всех венецианских евреев стали включать в один договор. Последние инородные группы вошли в состав общины задолго до конца XVI века. Тем временем Венеция играла все более важную роль в еврейском мире и стала свидетельницей самых волнующих событий в тогдашней еврейской истории.

Глава 3

Расцвет общины

В начале 1524 года в Венеции бросило якорь торговопассажирское судно, шедшее из Александрии через Крит, и на берег ступила весьма яркая фигура. Внешне чужестранец выглядел непривычно – смуглый, морщинистый карлик с волосами цвета воронова крыла, одетый по восточной моде в просторный халат и слабый от добровольного недоедания. Остальные пассажиры провожали карлика мрачными взглядами: многие подозревали его слугу Иосифа в том, что тот систематически воровал у них еду во время плавания. Впрочем, самому карлику подобных обвинений нельзя было предъявить, так как он вел умеренный образ жизни и не соглашался есть ничего, что прошло через руки неевреев или готовилось в их посуде. Капитан корабля лично отвез странника на берег и поселил в своем доме. Первым делом странник начал поститься. По его словам, пост длился шесть дней и шесть ночей. В тот период он позволял себе единственную роскошь, которой предавался неумеренно, – молитву. Тем временем его слуга, интересы которого лежали совсем в другой области, отправился смотреть достопримечательности города.

В последний день добровольного поста, завершив молитвы, чужестранец увидел в комнате незнакомца. То был молодой венецианский еврей, с которым познакомился Иосиф и которого привел домой, чтобы тот полюбовался любопытным явлением, какое, несомненно, представлял собой его хозяин. Последовала короткая беседа на древнееврейском языке, в то время единственным средством общения для евреев из разных стран. Вскоре после этого гость вернулся в сопровождении Мозеса Кастелаццо, художника-портретиста, который за несколько лет до того получил от синьории авторское право на иллюстрации к Пятикнижию. Чужеземный аскет принял его благожелательно и сразу же попросил займы семь дукатов. Не желая ранить чувства нового знакомого отказом, художник привел его к себе домой в гетто, где представил главам общины. Им незнакомец рассказал чудесную историю: он представился Давидом Реувени, сыном Соломона, из колена Рувимова. Сообщил, что его родичи ведут воинственную и независимую жизнь в легендарной глуши, на реке Хабор. Его брат, царь Иосиф, и семьдесят старейшин племени послали его просить помощи у папы римского и разных европейских монархов – главным образом, они нуждались в оружии, так как вели постоянную войну с турками. Он подробно рассказал о своем путешествии из родных мест через Палестину, где молился на могилах патриархов.

Трудно понять, где правда в этой истории, смутные слухи о которой к тому времени уже достигли берегов Италии. Согласно одной правдоподобной недавней гипотезе, Реувени просто пересказывал слегка приукрашенную историю о жизни евреев в городе Кочи (или Кочин) на Малабарском побережье Индии, где в то время положение дел не отличалось от нарисованной им картины. Как бы там ни было, его рассказ произвел заметное впечатление. Из-за последних бедствий весь еврейский мир с нетерпением ждал обещанного освобождения. В 1502 году неподалеку от Венеции, в Каподистрии, объявился некий Ашер Леммлейн, который предрекал скорый приход Мессии. Набожные евреи настолько поверили в его пророчество, что ломали свои пасхальные печи, уверенные, что больше они им не понадобятся. Пророк исчез почти так же внезапно, как и появился, однако произведенное им впечатление держалось еще долго. Новые удивительные откровения о долгом независимом существовании, по крайней мере, некоторых из пропавших десяти колен Израилевых оживили и укрепили прошлые надежды, и мессианские ожидания венецианских евреев взвинтились до предела. Некий Мазлиа начал собирать требуемую чужестранцем сумму. Мозесу Кастелаццо удалось уговорить его покинуть дом капитана корабля и переселиться в гетто. Симонето, достойный сын Ансельмо

дель Банко, предложил взять на себя расходы по его поездке в Рим, где Реувени должен был встретиться с папой, и послал с ним нескольких человек в качестве сопровождения. 5 февраля 1524 года, в пятницу, Реувени отправился морем в Песаро, расположенный по пути к центру католической веры; вся венецианская община молилась за него и связывала с ним свои надежды.

Так начался один из самых ярких эпизодов во всей еврейской истории. Добравшись до Рима, претендент въехал на белом коне в Ватикан. Там он получил аудиенцию у папы Клементя VII, который дал ему рекомендательные письма к различным европейским монархам. После такого достижения все богатство и все возможности еврейской общины были в его распоряжении. Реувени обильно снабдили деньгами. Когда он ехал по улицам, его сопровождали две с лишним сотни христиан, а также обычный эскорт из десяти евреев. Донья Бенвенида Абрабанель прислала ему из Неаполя шелковое знамя, на котором вышита Десять заповедей. Наконец, король Португалии прислал ему официальное приглашение; он призывал Реувени в свою страну. При дворе в Алмейрине его приняли с высокими почестями; разработали план, как доставить оружие и военное снаряжение на Восток для вооружения еврейского войска.

Появление Реувени необычайно воодушевило и марранов. Они толпами стекались к нему, к его раздражению и недоумению; марраны решили, что он и есть Мессия. Один из них, многообещающий молодой чиновник по имени Диого Пирес, получив от Реувени выговор, сделал обрезание, едва не расставшись с жизнью; он надеялся, что таким образом ему удастся преодолеть барьер. Впоследствии он покинул страну, вернул себе иудейское имя Соломон Мольхо и стал спутником Реувени. В его пестрой биографии романтика смешана с трагедией.

Мольхо изучал каббалу в Салониках и Цфате (Сафед), благодаря своему красноречию воспламенял верующих в синагогах Анконы, сидел у ворот Рима среди нищих и калек, чтобы лично приветствовать Мессию. Он пользовался благосклонностью папы, но в конце концов вынужден был бежать в Венецию. Там он снова поддержал Реувени, который вынужден был покинуть Португалию из-за чрезмерного воодушевления, какое его визит вызвал среди марранов. Теперь он проживал в роскоши во дворце какого-то патриция и пытался склонить власти к своим взглядам. Реувени произвел на сенат столь сильное впечатление, что сенаторы поручили навести справки о его рассказах Джованбаттисте Рамузио, известному путешественнику и лингвисту.

Во время второй встречи с Реувени Мольхо начал разочаровываться. Он все больше подозревал, что невежество Реувени в раввинской учености лишь напускное, призванное придать достоверности его рассказам о том, что он посланец одного из пропавших десяти колен Израилевых, которое по-прежнему вело библейскую жизнь. Вместе с тем Мольхо пользовался возрастающей популярностью, особенно после того, как точно предсказал разлив Тибра в Риме. Поэтому он играл все более значимую роль. В Венеции он получил горячую поддержку. К числу его сторонников относился Илия Менахем Халфон, поэт, талмудист и врач, прославленный представитель известной семьи, один из самых модных медиков в Венеции того времени. Впоследствии его поддержка дорого обошлась Мольхо.

У Халфона имелся конкурент, еще более выдающийся врач, чем он сам, по имени Якоб Мантино. Он был равно известен как философ и литератор, тогда как лечил половину дипломатического корпуса в Венеции. Соперничество двух врачей было ожесточенным и пронизывало все сферы их жизни. Мольхо попытался их помирить, но тщетно; в результате Якоб Мантино стал его злейшим врагом. Здравомыслящий ученый и философ, он не поддавался лихорадке, охватившей почти всех его современников. В притязаниях Мольхо он усматривал угрозу евреям в целом, что усугублялось тем, что он, строго говоря, был отступником от христианства. В силу своей убежденности Мантино без всяких угрызений совести прибегал к любым средствам, чтобы заткнуть рот опасному мечтателю. Он не позволил Мольхо напечатать его книги, которые надлежало послать на Восток, разоблачал его перед светскими вла-

стями, называя вероотступником. Кое-кто даже подозревал Мантино, истинного сына своего времени, в попытке устранить врага с помощью яда. Справедливо такое обвинение или нет, Мольхо внезапно поразила тяжелая болезнь, и он какое-то время находился на пороге смерти.

Выздоровев, Мольхо вернулся в Рим. Однако Мантино его опередил, став лейб-медиком при папском дворе. Мантино продолжал безжалостную вендетту. Он попытался заручиться помощью посла Португалии против отступника, перевел на латынь некоторые его сочинения, в которых, при наличии фантазии, можно было усмотреть антихристианские намеки, и дошел до того, что донес на него инквизиции. Мольхо был обречен; его торжественно сожгли на костре на Кампо-деи-Фиори.

К всеобщему изумлению, на следующий день его видели в Ватикане – он гулял там, как обычно. Похоже, Клемент VII, чтобы защитить своего протеже, приказал сжечь вместо него другого приговоренного к смерти преступника. Естественно, Мольхо больше нельзя было оставаться в Риме, поэтому папа отослал его ночью, приставив к нему охрану. На севере Италии Мольхо снова встретился с Реувени. С тех пор два авантюриста действовали сообща. Судя по всему, они подпитывали друг друга идеями. Услышав, что император Карл V собирается прибыть на рейхстаг в Регенсбурге, они поехали туда, везя с собой знамя с вышитым на нем девизом Маккавеев; они надеялись убедить Карла призвать евреев к оружию против турок. Однако у правителя половины Европы и ревностного католика не было ни времени, ни желания участвовать в подобных планах. Обоих заковали в кандалы и протащили за императором в Мантую, где Мольхо предал суду импровизированного трибунала инквизиции. Его странная и богатая событиями жизнь окончилась мученической смертью. Реувени продержался еще несколько лет, но в конце концов и его ждало аутодафе на Пиренейском полуострове. Надеждам, которые несколько лет питали венецианскую еврейскую общину, пришел конец.

Именно в тот период, по странной прихоти судьбы, венецианское гетто неожиданно приобрело весьма важное значение для тогдашней политики. Глаза всей Европы были прикованы к его раввинам и ученым; у них искали совета в вопросе, которому суждено было оказать величайшее влияние на судьбы человечества. За двадцать лет до того короля Англии Генриха VIII по политическим соображениям вынудили жениться на инфанте Екатерине Арагонской, дочери Фердинанда и Изабеллы и вдове его покойного брата Артура. После двух десятилетий семейной жизни, зачарованный ясными глазами Анны Болейн или движимый вполне естественным желанием обзавестись наследником мужского пола, Генрих пожелал аннулировать свой долгий брак¹¹. Папа, несомненно, готов был даровать такую милость, если бы не страх перед племянником Екатерины, императором Карлом V, которого возмутило подобное неуважение к его дому. Так мало-помалу разгорался пожар, которому суждено было окончиться отделением Англии от традиционной католической церкви.

Генрих опирался на авторитет Библии. В самом деле, в Книге Левит как будто строго воспрещается женитьба мужчины на вдове его брата. Вместе с тем во Второзаконии такой порядок предусматривался, если предыдущий брак был бездетным, чтобы имя покойного сохранилось. Интерпретация оказалась необычайно трудной. Неожиданно многие осознали важность древнееврейской традиции для верной интерпретации Священного Писания. Так как евреев в то время изгнали и из Англии, и из Испании, обе стороны обратились за разъяснениями в итальянские гетто, особенно в венецианское. Ричард Кроук, которого от имени Генриха послали узнать мнения различных законоведов, обратился за помощью к знаменитому венецианскому гуманисту фра Франческо Джорджи. Последний без труда нашел местных еврейских ученых, которые охотно поддержали точку зрения англичан. Среди них были Марко Рафаэль, недавно перешедший из иудаизма в христианство, который изо всех сил стремился угодить, а также врач Илия Менахем Халфон. Последнему удалось собрать ряд подписей итальянских раввинов

¹¹ Хотя термин «королевский развод» встречается часто, применительно к данному случаю он вводит в заблуждение.

в поддержку своей точки зрения. В начале 1530 года Кроук сообщал из Венеции: не проходило и дня, чтобы он не совещался по данному вопросу с каким-нибудь монахом или евреем.

Однако на одного из них ему не удалось произвести впечатления. Якоб Мантино, уроженец Испании и протезе папы, проявил упрямство. Он объявил, что всей душой поддерживает другую сторону. Так происходило во всех делах, в которых участвовал Халфон. Диспут ожесточил отношения двух соперничающих врачей. В результате (как уже упоминалось), когда Соломон Мольхо чуть позже прибыл в Венецию, он застал их «на ножах», что дорого ему обошлось. Тем временем Генрих VIII, также считавший себя крупным богословом, настаивал на том, чтобы мнение раввинов послали ему для просмотра. За неимением лучшего, в Англию отправили Марко Рафаэля вместе с его покровителем Джорджи. Несмотря на попытку испанского посла устроить на них засаду, они прибыли благополучно; в Лондоне вероотступник написал официальный отчет, к полному удовлетворению своего покровителя. Однако он не выдержал натиска учености и цифр. За исключением Халфона и еще нескольких человек, почти все итальянские раввины оказались на другой стороне. В довершение всего, именно тогда в Болонье один еврей, по обычаю левирата, когда вдова обязана была или имела право вторично вступить в брак лишь с ближайшими родственниками первого мужа, в первую очередь с его братьями, женился на вдове своего покойного брата. Происшествие подрывало доверие ко всем доводам противной стороны. У Англии оставался единственный выход – разрыв с Римом. Тем не менее данный эпизод оказал важное влияние на еврейскую историю; именно он, в сочетании с тогдашним спором Рейхлина и Пфефферкорна в Германии о еврейских книгах, послужил началом возрождения древнееврейской литературы после долгого периода сомнений, который наблюдался в Европе с распространением христианства.

За сохранение своего достоинства евреям Венеции следовало благодарить Османскую империю, которая тогда находилась в числе величайших европейских держав, поскольку с ней Светлейшая республика пребывала в особенно тесных отношениях. Турки, нация солдат и крестьян, находили евреев чрезвычайно полезными как купцов и искусных ремесленников. Многие евреи были выпускниками Падуанской медицинской школы; они несли свои знания на Восток и становились личными врачами султана или великого визиря. Иногда они добивались значительного влияния на Ближневосточную Порту. Благодаря способности евреев к языкам, развившейся в результате многовековых преследований и скитаний, их часто назначали переводчиками при всех дипломатических миссиях в Константинополе. Постепенно они становились силой в ближневосточной дипломатии. Иногда турки не гнушались отправлять их с миссиями высочайшей деликатности и важности. Так, в 1476 году султан отправил в Венецию для ведения мирных переговоров посланника-еврея, наделенного всеми необходимыми полномочиями. Хотя посланник умер в пути, на Каподистрии, его пример вдохновлял угнетенных единоверцев, живших в странах Запада. Испанских евреев, изгнанных в 1492 году, охотно привечали султаны. Начиная с того времени роль евреев в Османской империи значительно возросла. Она достигла наивысшей точки с возвышением Иосифа Наси, чья поразительная биография служит квинтэссенцией романтизма XVI века.

Среди беженцев из Испании, которые вынуждены были в 1497 году принять христианство в Португалии, находились несколько представителей видной еврейской семьи Наси. Некоторые из них торговали в Лиссабоне драгоценными камнями; позже они основали крупный банкирский дом. Во втором десятилетии XVI века филиал их банкирского дома появился в Антверпене, тогдашнем центре коммерции всей Северной Европы. На своей новой родине, где были не так сильны религиозные предрассудки, а экономические условия предлагали большие возможности, семья начала процветать; и банкирский дом, которым управляли ее представители, стал одним из крупнейших в Европе. В 1535 году глава компании, Франсиско Мендес, умер в Лиссабоне; его вдова, Грасиа, она же Беатрис де Луна, поехала к родственникам в более безопасный Антверпен. Ее сопровождала дочь, красавица Рейна. С ними поехала также ее

золовка, вдова покойного врача короля Португалии, и их сын Жуан Мигес. В Антверпене они тут же вошли в высшее общество, путь в которое проложило их богатство. У них было много друзей среди местной знати; сама наместница Нидерландов Мария Венгерская, сестра Карла V, не погнушалась просить руки красавицы Рейны для одного из своих фаворитов благородного происхождения. Мать девушки ответила, что скорее увидит свою дочь мертвой.

Такой неслыханный отказ вызвал враждебность властей к семье. Их уже не без оснований подозревали в том, что в глубине души они сохранили верность иудаизму; и Диего Мендеса, зятя Грасии, некоторое время назад судили за ересь. Предчувствуя новые преследования, вся семья бежала сначала в Лион, а затем в Венецию.

Прибытие такой многочисленной и известной семьи не могло пройти незамеченным. В предшествовавшие годы марраны уже мигрировали в Венецию в большом количестве, и правительство в их лице столкнулось с серьезной проблемой. Проблема обострилась после нового притока иммигрантов. В следующем году издали указ, по которому все марраны изгонялись из Венеции. Тогда семья Мендес еще не совершила решительного шага и не вернулась к иудаизму. Однако племянница и воспитанница доньи Грасии, которым надоела ее опека, выдали ее властям. Грасию обвинили в склонности к иудаизму, все ее имущество подлежало конфискации. Родственникам пришлось искать убежища в Ферраре. Этот пример развязал руки королю Франции Генриху III, который наложил руки на огромное имущество банкирского дома, находящееся в его владениях, особенно в Лионе.

Людям, которые были на дружеской ноге с гордыми идальго Пиренейского полуострова, нелегко оказалось мириться с подобным отношением. Молодой Жуан Мигес (который, если верить свидетельствам очевидцев, запросил, пусть и тщетно, у венецианского правительства выделить какой-нибудь остров, куда без помех могли бы мигрировать беженцы из Португалии) прибег к решительному шагу. В то время дом Мендесов обладал влиянием во всей Европе, и к его голосу почтительно прислушивались даже в столице Турции. Более того, там Мигес мог рассчитывать на содействие Мозеса Хамона (который, как и его родня, был уроженцем Испании), лейб-медика Сулеймана Великолепного. Благодаря тактичным намекам султан решил оказать содействие этой важной семье богатых купцов; ему рассказали и о возможных преимуществах в том случае, если семью уговорят переселиться в Турцию. Результаты оказались ошеломляющими. Блистательная Порта направила в Венецию посланника, который безапелляционно потребовал освободить донью Грасию и вернуть ей имущество. Венеция настолько дорожила отношениями с Ближним Востоком, что ее власти не посмели ответить отказом и кротко согласились исполнить все требования. Грасии Мендес позволили присоединиться к родственникам в Ферраре. Однако семье надоело вести двойную жизнь, тем более что все равно не удавалось избежать проявлений христианской нетерпимости. Переехав в Константинополь, где их приняли с распростертыми объятиями, они отказались от напускного католицизма и открыто вернулись к вере своих отцов. Жуан Мигес также взял родовое еврейское имя – Иосиф Наси. Он женился на своей кузине, красавице Рейне.

Вскоре Иосиф Наси занял видное положение в турецкой столице. В диспуте о престолонаследии, который разгорелся вскоре после его приезда, он поддержал своего покровителя Селима, который в конце концов и одержал победу. В 1566 году Селим вззошел на престол, а Наси стал его правой рукой. На протяжении значительного времени он считался поистине всемогущим в государственных делах. Его влияние и власть превосходили власть самого великого визиря. Все дипломаты в Константинополе стремились заручиться его дружбой и поддержкой. Он почти на равных переписывался с европейскими королями и князьями. Он стал герцогом Наксоса и князем Кикладских островов. Как государственный деятель Наси отличался поразительной проницательностью и широтой кругозора; правда, ему мешал недостаток практической энергии. Самым памятным среди его достижений стало приобретение концессии на город Тверию (Тивериаду) в Палестине, где он рассчитывал создать еврейское поселение.

Таким образом, его можно считать предтечей сионизма. В Венеции прекрасно знали о достижениях Наси, потому что именно через Венецию он намеревался организовать миграцию угнетаемых евреев из католических стран и направлять импортные товары для экономического укрепления своей колонии.

Одновременно он доказал, что не забывает причиненные ему оскорбления. Ранее Франция конфисковала имущество семьи Мендес в Лионе; он приказал конфисковать французские суда в турецких водах на эквивалентную сумму, подсчитанную весьма вольно. Испания преследовала его родственников, а его с семьей выгнали из Фландрии. Поэтому Наси благосклонно отнесся к призывам о помощи со стороны протестантов Северной Европы и по мере сил поощрял восстание в Нидерландах, которое в конце концов пошатнуло величие Испании. И все же его месть главным образом коснулась Венеции, которая причинила ему и его близким незаслуженное унижение. Его политика отличалась крайней враждебностью по отношению к Венеции – даже в мелочах. Так, он намеревался развивать в своей колонии в Тивериаде шелкоткацкую промышленность и таким образом подорвать экономическое положение Венеции. В сентябре 1569 года, когда в венецианском Арсенале вспыхнул пожар, едва не уничтоживший большую часть города, власти республики подозревали, что за поджигателями стоит именно он. При любых обстоятельствах Наси спешил воспользоваться последовавшим за тем замешательством. В результате его уговоров султан затеял давно замышляемое нападение на Кипр, который сто лет находился под властью Венеции. Поговаривали, что после завоевания острова еврей-фаворит станет его королем.

Однако Наси ждало горькое разочарование. На объявление войны Венеция ответила тройственным союзом с Папской областью и Испанией. На суше военные действия велись достаточно благоприятно для Турции; несмотря на доблестную оборону, турецкие войска быстро захватили Кипр. Однако 7 октября 1571 года объединенный флот христианских держав под командованием Хуана Австрийского наголову разбил превосходящие турецкие силы в заливе Лепанто. Среди пленных оказалось не менее 12 тысяч рабов-христиан, сосланных на галеры. Это была величайшая морская победа на памяти живущих; она отметила первую важную неудачу в завоеваниях великого султана, угрожавшего завладеть всей Европой. Новость достигла Венеции в рекордный срок, всего через десять дней после сражения. Гонец прибыл на быстроходной галере, нагруженной захваченными флагами. Жители республики были вне себя от возбуждения и радости. В соборе Святого Марка состоялся благодарственный молебен. Празднование продолжалось четыре дня; все это время в храмах города устраивали религиозные процессии и благодарственные службы. Власти учредили ежегодный праздник.

Однако все церемонии сочли недостаточным изъявлением благодарности, пока город осквернен присутствием неверных и евреев. Более того, венецианские евреи радовались победе при Лепанто вместе с остальным населением; а Давид де Поми, модный врач, даже представил дожу докладную записку, в которой убедительно доказывал, что славная победа была предсказана в Библии. Однако на такие факты смотрели сквозь пальцы. В Венеции стремительно нарастали антисемитские настроения. Разве за всем не стоит еврей, вероотступник и фаворит султана? А когда пала столица Кипра Фамагуста, разлетелся слух, что именно евреи заживо содрали кожу с героического коменданта города, а его чучело, набитое соломой, отправили в Константинополь, своим турецким хозяевам. Более того, во время войны евреев подозревали в действиях в пользу врага. На очередной волне антисемитизма всех проживавших в Венеции турецкоподданных бросили в тюрьму и лишили всего имущества. Особенно пострадали купцы – выходцы из Леванта. С течением времени враждебность нарастала. Наконец, появилась возможность отомстить. 14 декабря сенат в связи с недавними событиями принял важное решение. По мнению сенаторов, желательно продемонстрировать благодарность, какую они испытывают к Всевышнему, который позволил Венецианской республике одержать победу над врагами истинной веры. К категории врагов причислили не только турок, но и неверных, про-

живавших совсем рядом. Следовательно, во имя Святого Духа и во славу Господа, а также в общественных и личных интересах издали торжественный приказ: по истечении очередного договора (*condotta*) примерно через два года все евреи любого пола, звания и состояния должны покинуть город и больше в него не возвращаться. Глашатаи под звуки труб объявляли об этой мере по всему городу.

Хотя подобное известие едва ли можно было назвать неожиданным, евреи отнеслись к нему как к катастрофе. Они спокойно жили в Венеции довольно долгое время и постепенно все больше забывали о непрочности своего положения с точки зрения законов. Община пополнялась со всех сторон еврейского мира как в Италии, так и за ее пределами. Многие стремились в Венецию в поисках безопасности. Так город на лагуне стал одним из величайших центров раввинской культуры в Европе, что доказывает наличие там самых крупных типографий, в которых печатали книги на иврите. Однако все возражения и попытки оказывались тщетными. Исключение сделали лишь для купцов с Корфу, которые всегда пользовались особыми привилегиями. Остальным пришлось готовиться к отъезду.

В течение полутора лет угроза изгнания омрачала жизнь венецианских евреев. Многие из них действительно уехали – одни в города на материке, другие в мусульманские страны Средиземноморского побережья, где могли надеяться хотя бы на передышку. Оставшиеся распродавали имущество, готовясь к отъезду. Однако 7 июля 1573 года, когда до рокового дня оставалось лишь несколько месяцев, сенат собрался и, ничего не объясняя, по предложению *Avogadori di Comun* отменил предыдущий указ. Для принятия такого решения, по условиям указа полуторагодовой давности, требовалось большинство в $\frac{5}{6}$ голосов. По новому указу евреям разрешалось, несмотря на предыдущие угрозы, оставаться в городе на тех же условиях, что и раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.